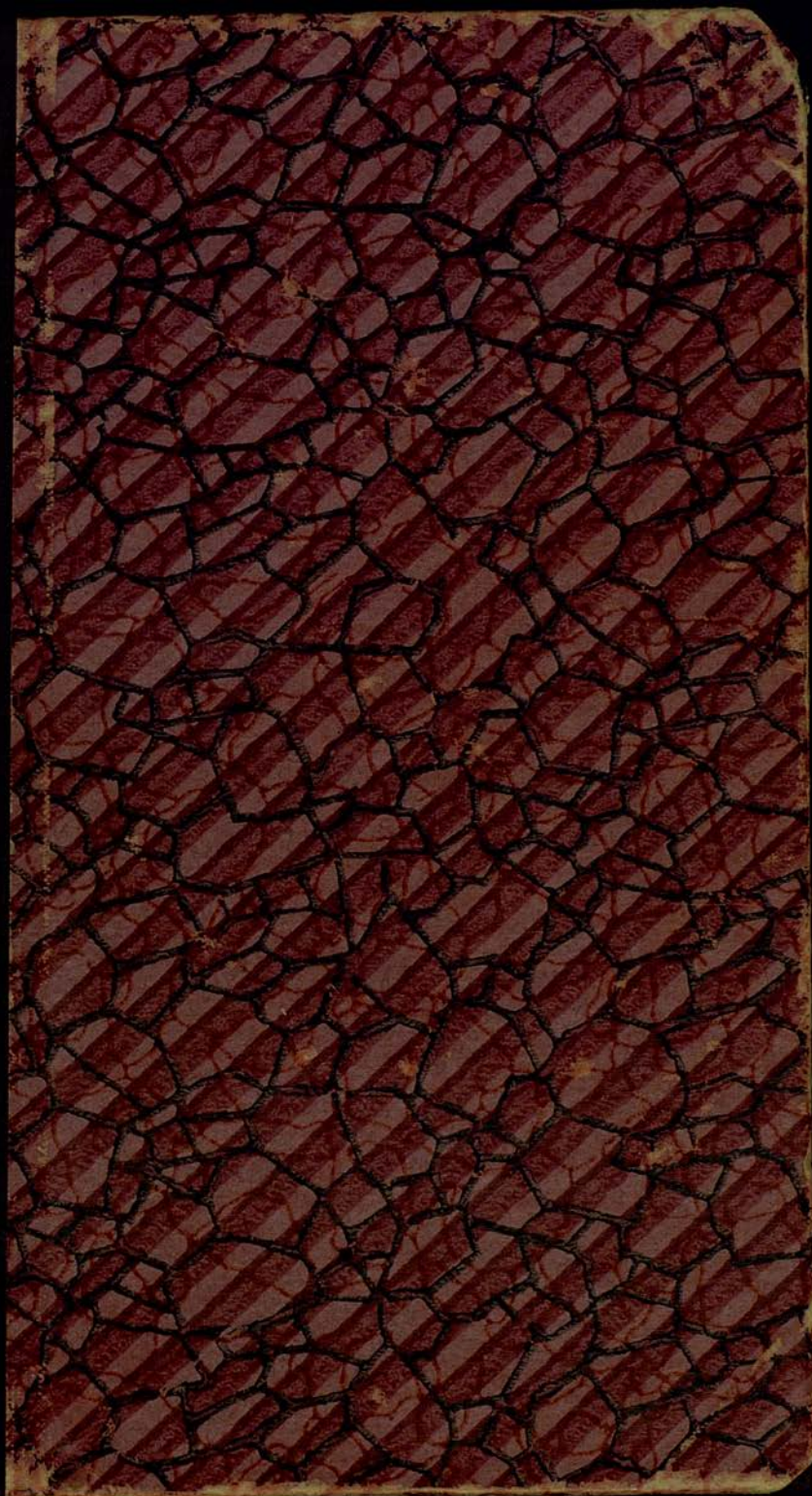
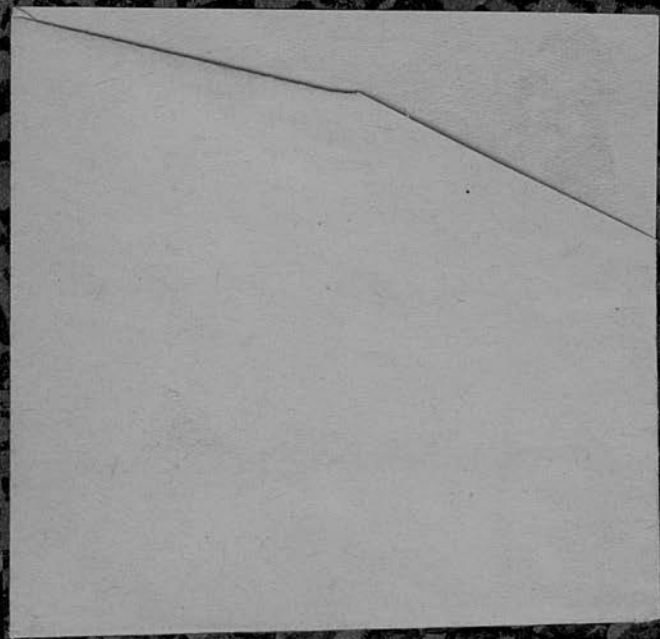
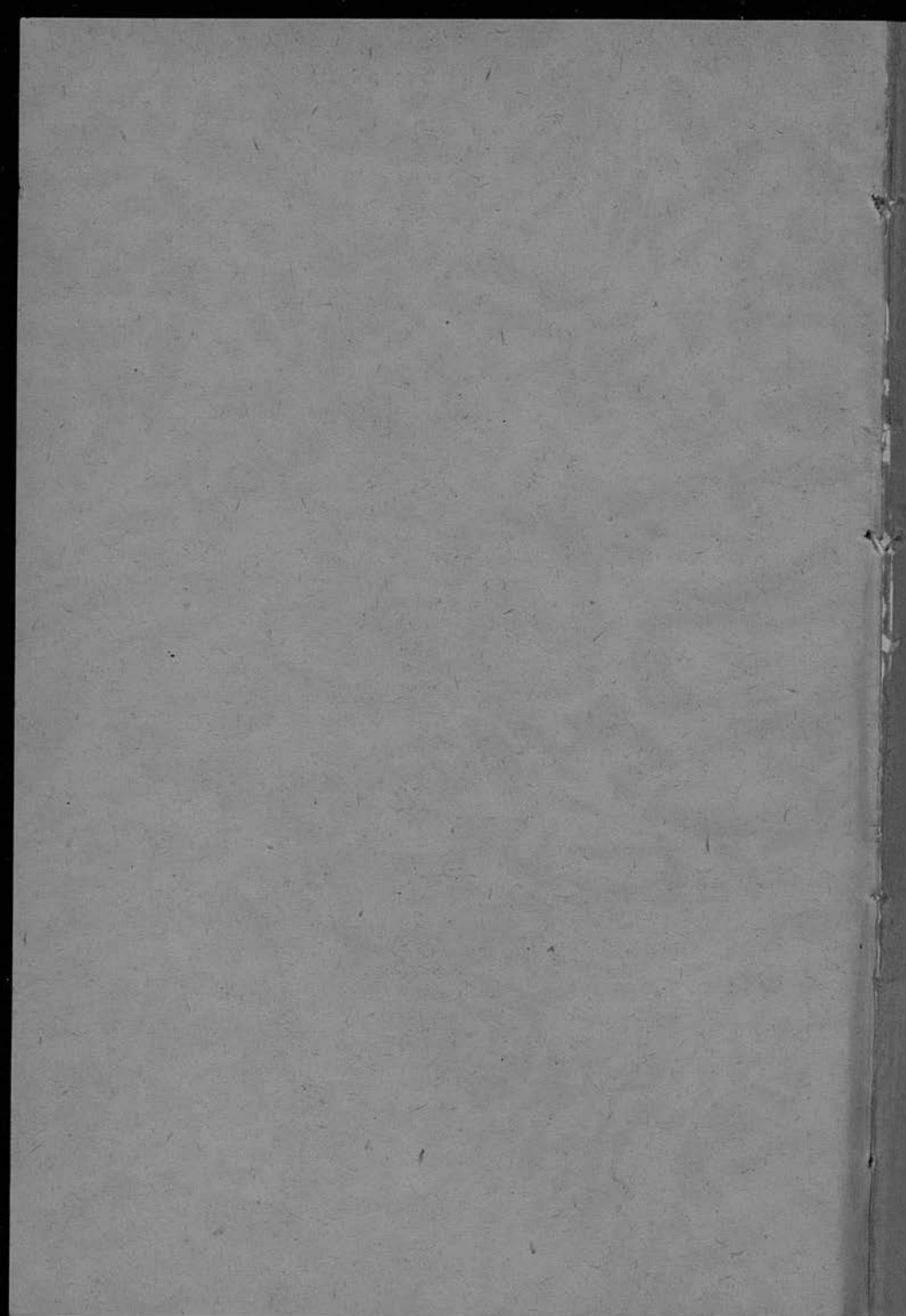

37. 77. 6. 79.

ПОДНЕВОЛЬНОЕ ЖИТЬЕ ВЪ СТРАНѢ КУЛЬТУРНАГО НАРОДА.

ВОСПОМИНАНІЯ О ГЕРМАНСКОМЪ ПЛѢНѢ.

Членъ Государственнаго Совѣта

Графъ С. А. Толь.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія Редакціи період. изданій Министерства Финансовъ.
1917.

ПОДНЕВОЛЬНОЕ ЖИТЬЕ

ВЪ СТРАНѢ КУЛЬТУРНАГО НАРОДА.

ВОСПОМИНАНІЯ О ГЕРМАНСКОМЪ ПЛѢНѢ.

Членъ Государственнаго Совѣта

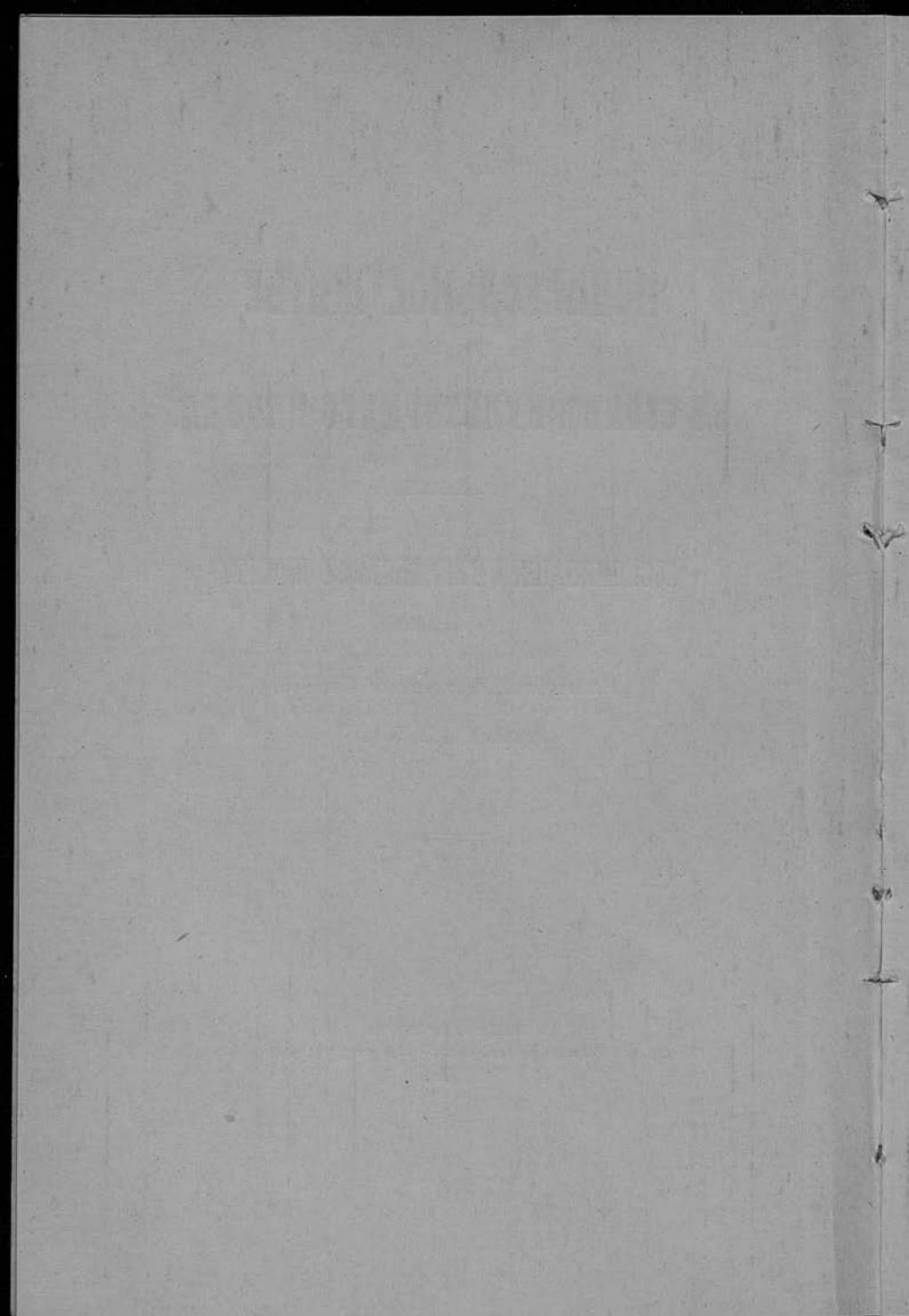
Графъ С. А. Толь.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія Редакціи період. изданій Министерства Финансовъ.
1917.

Прошло ровно два года со дня возвращенія моего изъ германскаго плѣна. Не разъ я принимался за перо, желая запечатлѣть на бумажѣ тѣ тяжелыя нравственныя страданія, черезъ которыя мы, русскіе, проходили послѣ объявленія войны, во время подневольнаго пребыванія нашего въ «культурныхъ» германскихъ курортахъ. Но перо каждый разъ падало изъ моихъ рукъ. Наплывъ этихъ воспоминаній тяжелымъ кошмаромъ ложился мнѣ на грудь. Я съ озлобленіемъ отталкивалъ отъ себя лежащій предъ мною бѣлый листъ бумаги, не чувствую я себя въ силахъ вновь переживать, день за днемъ, все мною испытанное въ эти дни.

Но время взяло свое. Здѣсь, въ тиши рязанской деревни, вдали отъ петроградскихъ сплетенъ и нашептываній я чувствую себя спокойнѣе, а газеты ежедневно приносятъ намъ все новыя и но-

вья радостныя вѣсти объ успѣхахъ нашихъ доблестныхъ войскъ. Часъ окончательной побѣды надъ жестокимъ врагомъ уже недалекъ, сердце преисполнено надеждою и вмѣстѣ съ крестнымъ знаменемъ изъ глубины души вырывается горячая мольба: да поможетъ намъ Господь Всевышній.

ПРІЇЗДЪ ВЪ ГОМБУРГЪ.

Законодательная сессія 19¹³₁₄ года была крайне продолжительной. Іюнь мѣсяцъ уже подходилъ къ концу, а Государственная Дума безостановочно присылала намъ новые и новые законопроекты, изученіе которыхъ занимало все свободное отъ засѣданій въ Государственномъ Совѣтѣ время. День роспуска законодательныхъ учрежденій на вакантное время, все еще находился подъ сомнѣніемъ,—одни говорили, что это будетъ на дняхъ, другіе, что это состоится не ранѣе половины іюля.

Мое больное сердце съ каждымъ днемъ сильнѣе и сильнѣе стало напоминать о себѣ и я съ нетерпѣніемъ ждалъ счастливой минуты, когда мнѣ наконецъ удастся укатить въ Bad-Homburg близъ Франкфурта на Майнѣ, куда меня врачи

наши ежегодно удачно направляли лечится.

Въ самыхъ послѣднихъ числахъ іюня, мнѣ, наконецъ, стало извѣстно, что засѣданія Г. Совѣта прекратятся 4-го іюля, и что Высочайшее соизволеніе на выѣздъ мой за границу уже послѣдовало. Я немедленно запасся желѣзнодорожными билетами на 4-ое же іюля, но не мало былъ смущенъ, когда, въ день моего отъѣзда, получилъ запросъ изъ гофмаршальской части: предполагаю ли я, въ виду прибытія президента французской республики, Пуанкарэ, и предстоящаго 7 іюля Высочайшаго стола, быть въ городѣ или нѣтъ. Я невольно долженъ былъ отказаться отъ этого приглашенія, такъ какъ ничего не зная о предполагаемомъ прибытіи президента, я отпустилъ своего человѣка въ деревню и рѣшительно недоумѣвалъ, куда онъ могъ уложить мое форменное платье.

Будучи уже въ плѣну, я часто горько оплакивалъ этотъ инцидентъ, такъ такъ останься я въ Петроградѣ до 8-го, 10-го іюля, я, быть можетъ, не рискнулъ бы выѣхать изъ предѣловъ родины, и

не прошелъ бы черезъ всѣ ужасы германскаго плѣна.

Итакъ, согласно принятому рѣшенію, я, 4 іюля 1914 года, пустился въ путь. По прибытіи на другой день въ Берлинъ я, не останавливаясь, конечно, въ этомъ ненавистномъ мнѣ городѣ и не теряя времени, переѣхалъ на автомобилѣ на «Ангальтеръ Бангофъ» и уже 6-го іюля, рано утромъ, прибылъ въ столь знакомый мнѣ курортъ. О своемъ приѣздѣ я заблаговременно предупредилъ директора «Park-Hôtel», и любезно встрѣченный хозяиномъ, старикомъ Г. Риттеромъ, послѣдовалъ въ предназначенную мнѣ комнату.

Паркъ-Отель справедливо считается лучшей по комфорту и столу гостиницей въ Гомбургѣ, а прекрасное его положеніе, противъ самаго парка, придаетъ ему особую прелесть.

Первые дни послѣ моего приѣзда протекли въ столь знакомой мнѣ обстановкѣ вполне спокойно. Нарядная толпа русскихъ, американскихъ и англійскихъ приѣзжихъ гостей, въ часы завтрака и обѣда, заполняла громадную террасу гостиницы и мнѣ, на время предположен-

наго мною четырехнедельнаго пребыванія въ Гомбургѣ, лишь съ трудомъ удалось завоевать себѣ, при помощи француза дворецкаго, небольшой обѣденный столикъ.

По вечерамъ, въ бѣломъ залѣ гостиницы, устраивались обычные танцевальныя вечера, гдѣ во главѣ полуголыхъ любительницъ новомодныхъ танцевъ, молодая г-жа Риттеръ, невѣстка почтеннаго старика Риттера, отплясывала столь непристойный «Tango» и еще болѣе нескромный «One-step».

Узнавъ, въ день своего приѣзда, что принцъ А. П. Ольденбургскій, послѣ постигшаго его дорогою изъ Франціи автомобильнаго несчастья, прибылъ на отдыхъ въ Гомбургъ, я немедленно отправился къ нему въ гостиницу «Grand-Hotel», чтобы справиться о состояніи его здоровья. Видѣть его въ этотъ день мнѣ, однако, не удалось, такъ какъ онъ отдыхалъ, но ординарецъ принца, ротмистръ Скрыбинъ далъ мнѣ самыя успокоительныя свѣдѣнія, сообщивъ, что Его Императорское Высочество уже началъ понемногу ходить по парку. Дня черезъ два я его тамъ дѣйствительно встрѣтилъ.

На другой же день послѣ моего приѣзда, я въ утренніе приѣмные часы отправился къ моему, весьма мнѣ антипатичному доктору Sanitätsrat Dr. von Norden,—много лѣтъ тому назадъ рекомендованному мнѣ милѣйшимъ покойнымъ профессоромъ С. С. Боткинымъ, который случайно познакомился съ нимъ въ Гомбургѣ.

Этотъ господинъ, при первомъ же свиданіи отталкивающе подѣйствовалъ на меня своими разспросами и замѣчаніями о Россіи, пренебрежительнымъ отношеніемъ къ религіи и циничными отзывами о женщинахъ, придавая повидимому этой своей болтовнѣ гораздо большее значеніе, чѣмъ состоянію здоровья своихъ пациентовъ. Онъ мнѣ сталъ особенно противенъ послѣ разговора, бывшаго съ нимъ лѣтомъ 1913 года. Дѣло почему то коснулось гипнотизма. На мой вопросъ, вѣрить ли онъ въ его силу, онъ полунасмѣшливо, полупрезрительно взглянулъ на меня, закричавъ неестественнымъ голосомъ:

«А Христосъ по вашему что? Вѣдь всѣ его «чудеса», только и были основаны на магнетизмѣ да на гипнотизмѣ!»

Я невольно перекрестился, всталъ со своего мѣста и тихо сказалъ ему:

«Итакъ Иисусъ Христосъ по вашему былъ только грязный жидъ-шарлатанъ? Я, какъ христіанинъ, глубоко вѣрю, что онъ Сынъ Божій и нашъ Спаситель. Кто изъ насъ счастливѣе, я,—со своею вѣрою, въ которой я во всѣ тяжкія минуты жизни нахожу и опору и утѣшеніе, или вы, со своимъ безвѣріемъ, предоставляю судить вамъ,—но продолжать этого разговора не желаю».

Пріѣхавъ нынѣ вновь въ Гомбургъ, я хотѣлъ было обратиться къ другому врачу, но всѣ тамошніе эскулапы пользуются весьма сомнительной репутаціей, а потому волей-неволей пришлось пойти въ Каноссу, причемъ я, однако, далъ себѣ зарокъ бывать у Ноордена какъ можно рѣже. Получивъ отъ него всѣ нужныя указанія, я 9-го нашего іюля началъ пить свой «Elisabethenbrunnen»¹⁾ и принялъ первую углекислую ванну.

¹⁾ Елисаветинскій источникъ.

ПЕРВЫЕ ПРИЗНАКИ НАДВИГАЮЩЕЙСЯ БУРИ.

Такъ прошло два-три дня. За это время я успѣлъ познакомиться съ нѣкоторыми, живущими въ Паркъ Отелъ русскими, а именно: съ извѣстнымъ присяжнымъ повѣреннымъ К., пріѣхавшимъ со своей молодой женой, маленькой дочерью и очень симпатичной дочерью его жены отъ перваго брака и съ молодыми супругами М., онъ,—отставной офицеръ, состоящій чиновникомъ по особымъ порученіямъ при одномъ изъ остзейскихъ губернаторовъ, но уже около трехъ лѣтъ проживающій за границей въ виду слабости легкаго,—она, тоже болѣзненная, молодая дама.

Обѣдали мы обыкновенно около 7½ или 8 часовъ вечера, а затѣмъ проводили часъ-другой въ холлѣ, гдѣ услужливый Гассанъ, черномазый левантинецъ, турецкій подданный въ фескѣ и восточномъ облаченіи, подобострастно разносилъ кофе и всевозможные ликеры, стараясь объясняться на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Нѣмецкій—ему однако удавался

легче, такъ какъ онъ былъ женатъ на нѣмкѣ, принявшей изъ-за него магометанство.

Внимательно просматривая ежедневно русскія и иностранныя газеты, я, на первыхъ же порахъ, не безъ нѣкоторой тревоги сталъ относиться къ обще-европейскому политическому положенію. Унизительный ультиматумъ предъявленный Австріей Сербіи казался мнѣ чрезвычайными послѣдствіями, но всѣ знакомые, а также и почтенный старикъ Риттеръ, котораго я не разъ допрашивалъ, въ одинъ голосъ утверждали, что опасаться войны нечего, что это со стороны Австріи лишь запугиваніе и бряцаніе оружіемъ, а нѣмцы увѣряли, что «миролюбивый» кайзеръ никогда не допуститъ войны.

Малу-по-малу безпокойство стало однако же овладѣвать всѣми нами, а еще черезъ нѣсколько дней, кажется 14-го или 15-го іюля нашего стиля, возвращаясь послѣ питья водъ черезъ паркъ въ свою гостиницу я увидалъ князя Б. А. В., который, замѣтивъ меня, замахалъ руками, быстрыми шагами направился ко мнѣ и крикнулъ:

— Графъ, я васъ вездѣ ищу,—а затѣмъ подойдя вплотную, полушопотомъ прибавилъ:—я сейчасъ говорилъ по телефону съ Берлиномъ,—съ однимъ изъ членовъ нашего посольства. Положеніе очень серьезное, надобно уѣзжать.

— Да въ чемъ же дѣло,—спросилъ я встревоженный.

— Больше я ничего сказать не могу, такъ какъ самъ никакихъ подробностей не знаю,—отвѣтилъ князь,—вы сами понимаете, что въ такое время не очень то разговоришься по телефону. Но я навѣрно уѣду въ Россію какъ можно скорѣе — передайте это всѣмъ нашимъ соотечественникамъ.

Услыхавъ эти слова я тутъ же рѣшился пойти въ гостиницу «Метрополь» къ генералу А. А. Г., который наканунѣ рассказывалъ мнѣ, что ожидаетъ пріѣзда жены, находящейся, кажется, въ Швейцаріи, чтобы возвратиться съ ней въ Россію. Къ моему великому удовольствію я засталъ его дома и сообщивъ ему все, что мнѣ было извѣстно благодаря кн. В., предложилъ немедленно собраться въ дорогу. Выслушавъ меня генералъ заявилъ, что жена его должна пріѣхать

только на другой день, что онъ, въ виду болѣзненнаго ея состоянія, принуждёнъ предоставить ей нѣсколько дней отдыха, но что я напрасно тревожусь, такъ какъ вѣроятно войны не будетъ.

Желая провѣрить свои сомнѣнія, я направился въ Grand-Hotel, гдѣ проживалъ принцъ А. П. Ольденбургскій, увѣренный, что у него я узнаю что нибудь положительное. У самаго входа въ гостиницу я встрѣтилъ его ординарца, ротмистра Скрыбина, который таинственно заявилъ, что Его Высочество съ минуты на минуту ждетъ извѣстій изъ Россіи, въ зависимости отъ которыхъ и будетъ рѣшенъ вопросъ объ отъѣздѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ В. Н. Скрыбинъ любезно обѣщалъ сообщить о послѣдующемъ, но лишь при условіи абсолютной тайны.

Выходя изъ гостиницы, я подъ впечатлѣніемъ всѣхъ этихъ разговоровъ рѣшился, на всякій случай, запасти деньги, а потому перейдя улицу зашелъ въ «Landes bank» ¹⁾, гдѣ меня знали годами и аккуратно выплачивали

¹⁾ Мѣстный банкъ.

требуемая мною суммы по моимъ аккредитивамъ. Къ сожалѣнію, аккредитивъ при мнѣ не оказался, но хозяинъ любезно заявилъ, что онъ завтра, какъ только я его представлю, немедленно уплатить мнѣ хотя бы всѣ деньги значащіяся по моему счету. Я облегченно вздохнулъ и побрелъ домой.

Въ теченіе дня, при встрѣчѣ со знакомыми русскими,—генераломъ И., сенаторомъ Н. и членомъ Гос. Совѣта по выборамъ Ф. А. И., котораго мы впоследствии прозвали «святымъ Филиппомъ», за его сердечное участіе ко всѣмъ намъ, причемъ въ тяжелыя минуты нашего унижительнаго, ничемъ не оправдываемаго плѣна, онъ лично для меня, дѣйствительно, являлся «ангеломъ-утѣшителемъ», всѣ разговоры вертѣлись только вокругъ тревожныхъ газетныхъ извѣстій и вызывающаго тона нѣмецкой прессы.

Послѣ ночи безпокойно проведенной подъ впечатлѣніемъ всѣхъ этихъ сужденій, возобновившихся въ отелѣ за обѣдомъ, мнѣ на другой день рано утромъ подали записку, наскоро набросанную карандашемъ, въ которой ротмистръ Скры-

бинъ любезно сообщалъ: «мы уѣзжаемъ сегодня вечеромъ», а во время завтрака «Lift boy» (мальчикъ при лифтѣ) принесъ мнѣ заказное письмо, отправленное мною лично въ гомбургскомъ почтовомъ отдѣленіи три дня тому назадъ на имя моей жены, находящейся въ нашемъ рязанскомъ имѣніи. На конвертѣ значилась надпись: «Zurückgesendet. Darf nicht abgefertigt werden» ¹⁾. Въ ближайшіе дни я такихъ писемъ къ женѣ получилъ еще два. Положеніе становилось серьезнымъ. Оставалось одно—запастись деньгами, и въ возможно скоромъ времени оставить предѣлы «гостепріимной» Германіи.

Тутъ я вспомнилъ, что зайдя нѣсколько дней тому назадъ въ одинъ изъ большихъ гомбургскихъ магазиновъ, гдѣ меня знали годами, молодой и чрезвычайно предупредительный его хозяинъ, узнавъ, что я, въ виду политическихъ осложненій, быть можетъ уже въ скоромъ времени пожелаю покинуть Гомбургъ, чтобы вернуться въ Россію, любезно заявилъ, что онъ съ радостью

¹⁾ «Возвращается. Отправлено быть не можетъ».

окажетъ мнѣ всякое въ этомъ отношеніи содѣйствіе, такъ какъ будучи знакомъ съ мѣстнымъ всесильнымъ ландратомъ, Herr von Marks (г. фонъ-Марксъ) другомъ императора Вильгельма, охотно сведетъ меня къ нему.

Я едва успѣлъ показаться въ этомъ магазинѣ и объяснить хозяину причину моего прихода, какъ онъ схватилъ свою шляпу говоря: «Вы пришли очень кстати, фонъ-Марксъ теперь навѣрно у себя дома». Мы быстрыми шагами направились по «Kaiser Wilhelm's Allee» (аллея императора Вильгельма), въ концѣ которой проживалъ ландратъ въ своей роскошной виллѣ.

Послѣ звонка прислуга отворила намъ дверь, а сама хозяйка, видимо, поджидая кого-то, показала на лѣстницѣ. Мой проводникъ шепнулъ ей что-то, затѣмъ представилъ меня ей и скромно исчезъ, а она, указавъ на смежную дверь кабинета мужа, попросила меня войти.

Черезъ минуту фонъ-Марксъ показался изъ другой двери и протянувъ мнѣ руку вѣжливо спросилъ, чѣмъ онъ можетъ служить. Я извинился за причи-

ненное безпокойство, добавивъ, что зная что онъ пользуется расположеніемъ кайзера и близко его знаетъ, надѣюсь, что не откажетъ мнѣ въ добромъ совѣтѣ. Предупредивъ его затѣмъ, что изложеніе моей просьбы, какъ необычайной, требуетъ нѣкотораго времени, я вопросительно взглянулъ на него. Онъ придвинулъ мнѣ кресло и улыбаясь приготовился меня слушать.

Въ возможно сжатой формѣ я разсказалъ, что будучи назначенъ въ 1889 г. с.-петербургскимъ губернаторомъ, я, во время нарвскихъ маневровъ, бывшихъ въ Высочайшемъ присутствіи въ слѣдующемъ 1890 году, въ качествѣ начальника губерніи встрѣтилъ германскаго императора при его прибытіи и затѣмъ неоднократно бесѣдовалъ съ нимъ. При вторичномъ пріѣздѣ кайзера, на этотъ разъ вмѣстѣ съ императрицей Августой, много лѣтъ спустя, я, будучи уже членомъ Гос. Совѣта, удостоился приглашенія отъ Высочайшаго Двора на парадный обѣдъ, данный въ честь высокихъ гостей. Государю Императору, послѣ обѣда благоугодно было лично представлять приглашенныхъ император-

ской четѣ. Когда подошла моя очередь и Его Величество назвалъ мою фамилію германскій императоръ разомъ повернулся ко мнѣ и привѣтливо протянувъ мнѣ руку громко сказалъ:

«Aber wir sind ja alte Bekante» («да вѣдь мы старые знакомые»), а затѣмъ долго сталъ спрашивать меня о моей бывшей административной и настоящей законодательной дѣятельности. Я конечно, не сталъ бы придавать всему этому особаго значенія, но въ доказательство удивительной памяти императора могу сообщить, что не далѣе какъ въ прошломъ 1913 году, встрѣтивъ кайзера здѣсь въ Гомбургѣ, верхомъ, окруженного многочисленною свитою и поклонившись ему въ числѣ стоящей тутъ же немногочисленной публики, онъ почему-то замѣтивъ меня, пристально взглянулъ и приложивъ сперва руку къ своей тирольской шляпѣ, вдругъ привѣтливо замахалъ ею посылая мнѣ привѣтъ. Обстоятельство это произвело такое впечатлѣніе на окружающихъ, что совершенно незнакомыя мнѣ лица съ выраженіемъ почтительнаго удивленія стали обращаться ко мнѣ говоря:

«Das ist ja unglaublich Der Kaiser hat Ihnen Kuss Hände zugesendet! Denken Sie doch,—Kuss Hände»!! ¹⁾.

Окончивъ со своимъ длиннымъ разсказомъ, я обратился, къ г. фонъ-Марксу съ вопросомъ, допускаетъ ли онъ возможность, въ виду желанія моего скорѣе вернуться въ Россію, испросить черезъ надлежащее лицо или учрежденіе разрѣшеніе императора на безпрепятственный выѣздъ мой изъ Германіи.

Внимательно выслушавъ меня фонъ-Марксъ вполне одобрилъ мою мысль и распростеръ свою любезность до того, что не только указалъ на начальника главной квартиры, генерала фонъ-Плесенъ, какъ на лицо къ которому мнѣ слѣдуетъ обратиться, но даже помогъ составить соотвѣтствующую телеграмму, высказавъ увѣренность, что я немедленно получу просимое разрѣшеніе.

Сердечно поблагодаривъ любезнаго хозяина, я вновь пошелъ въ Landes bank ²⁾, для полученія всѣхъ денегъ зна-

¹⁾ «Да вѣдь это просто невѣроятно. Кайзеръ послалъ вамъ воздушные поцѣлуй. Подумайте только—воздушные поцѣлуй...».

²⁾ Мѣстный банкъ.

чащихся въ моемъ аккредитивѣ. Послѣ нѣкотораго молчанія директоръ банка, заякаясь и не глядя на меня въ полголоса промолвилъ:

«Das ist unmöglich» (это невозможно).

Въ отвѣтъ на выраженное мною недоумѣніе директоръ заявилъ, что Волжско-Камскій банкъ, гдѣ я аккредитованъ, всѣ сношенія свои съ Германіей ведетъ исключительно только черезъ «Deutsche bank» ¹⁾ въ Берлинѣ. Въ виду этого онъ, директоръ, не въ правѣ уплачивать своимъ кліентамъ тѣ или другія суммы не испросивъ предварительно надлежащаго разрѣшенія въ Берлинѣ.

Замѣтивъ возмущеніе, написанное на моемъ лицѣ, онъ не далъ мнѣ время отвѣтить и мягкимъ голосомъ добавилъ, что готовъ, подѣ личною своею отвѣтственностью, сдѣлать для меня исключеніе и выдать мнѣ теперь же нѣсколько сотъ марокъ, обѣщавъ вмѣстѣ съ тѣмъ немедленно, по телеграфу, снестись съ кѣмъ слѣдуетъ, и завтра утромъ дать отвѣтъ. Я радъ былъ и этому, такъ какъ уплативъ только на-дняхъ свой недѣль-

¹⁾ Нѣмецкій банкъ.

ный счетъ въ гостиницѣ, у меня съ неизрасходованнымъ остаткомъ и выданными директоромъ деньгами, складывалась сумма достаточная на предполагаемый отъѣздъ въ Россію.

НЕОЖИДАННЫЯ ОСЛОЖНЕНІЯ.

Желая удостовѣриться, полученъ ли отвѣтъ начальника главной квартиры, генерала фонъ-Плессена, я утромъ слѣдующаго дня, т. е. 18 (31) іюля, вновь рѣшилъ беспокоить столь любезно принявшаго меня наканунѣ ландрата. Войдя въ его кабинетъ послѣ доклада обо мнѣ, я глазамъ не вѣрилъ, что передо мною вчерашній милый собесѣдникъ. Вставъ изъ-за письменнаго стола и не давъ мнѣ промолвить слова, онъ рѣзко спросилъ:

— «Вы пришли справиться, есть ли отвѣтъ на вашу вчерашнюю телеграмму? Отвѣта нѣтъ, да вы его никогда и не получите. Императоръ въ настоящую минуту обремененъ вопросами чрезвычайной государственной важности и не станетъ удѣлять свое драгоцѣнное время для выслушиванія безсмысленныхъ ходатайствъ частныхъ лицъ».

— «Простите меня», возразилъ я,— «но телеграмма вѣдь была посланамною съ вашего одобренія и даже составлена при ближайшемъ участіи вашемъ».

— «Да», закричалъ онъ съ искаженнымъ отъ злобы лицомъ,— «но Россія на насъ напала, коварно, тайкомъ мобилизуя свои полчища... Вашъ Царь насъ обманулъ».

— «Довольно» глубоко возмущеннымъ голосомъ вырвалось у меня.— «Вы забываете, что я русскій, всецѣло преданный своему Государю. Я Его хорошо знаю, знаю Его искреннее миролюбіе и никогда не повѣрю, чтобы Онъ, безъ вызова со стороны Германіи, рѣшился бы напасть на нее. Но продолжать разговора на эту тему и въ такомъ тонѣ я не желаю. Безпокоить васъ навѣрно больше никогда не буду. Мнѣ отъ васъ ничего не нужно».

Я холодно поклонился и вышелъ на улицу. Невыразимое чувство злобы за безнаказанно нанесенную обиду, смыть которую я при данныхъ условіяхъ не могъ, душило меня. Я долго одиноко бродилъ по парку, тщетно ища выхода изъ этого тяжелаго нравственнаго поло-

женія. Лишь впослѣдствіи, я уяснилъ себѣ все лицемѣріе тевтонскаго поведенія. Подъ вліяніемъ постоянной лжи, широко распространяемой газетами, начальствующими лицами, главнымъ штабомъ и прежде всего самимъ кайзеромъ, нѣмцы глубоко были убѣждены, или при-творялись убѣжденными въ томъ, что они сдѣлались жертвами самаго гнуснаго, неожиданнаго нападенія. Такъ,—Россія первая начала войну. Французскіе отряды, въ цѣляхъ шпіонажа, задолго до объявленія войны, будто бы неоднократно, коварно переходили германскую границу. Называющая себя нейтральной, Бельгія, никакой пощады не заслуживала, т. к. нѣмцамъ стало извѣстно, что между Франціею и ею существовалъ тайный оборонительный и наступательный противъ Германіи договоръ. Объ Англіи и говорить нечего. Эта держава, со свойственнымъ только этому народу коварствомъ, подъ личиною сердечнаго расположенія къ родственнымъ ей по происхожденію германцамъ, лишь выжидала подходящей минуты чтобы, изъ-за угла напасть на германскую имперію. Но всѣ эти державы жестоко будутъ наказаны.

Пощады имъ не будетъ, и надменные головы враговъ преклонятся передъ силой все разрушающаго меча. Германія сдѣлается самою могущественною страной, а Вильгельмъ II-й величайшимъ монархомъ,—властелиномъ всего міра.

Не желая поддаваться гнетущему впечатлѣнію моего разговора съ фонъ-Марксомъ, я направился въ свою гостиницу. Оставаться дольше въ Гомбургѣ мнѣ казалось нестерпимымъ. Нужно подискать себѣ компаньоновъ, чтобы уѣхать въ Россію, и съ этой цѣлью я прежде всего по телефону обратился въ гостиницу Метрополь, къ генералу Г. Но каковъ былъ мой ужасъ, когда я узналъ, что онъ съ женою еще наканунѣ выѣхалъ изъ Гомбурга, но куда, неизвѣстно. Я бросился къ одному, другому, изъ проживающихъ въ Паркъ-Отелъ соотечественниковъ, но никто не рѣшался пуститься въ путь, и только послѣ долгихъ переговоровъ я, наконецъ, заручился согласіемъ молодыхъ супруговъ М., которые просили меня заказать и для нихъ билеты до Гамбурга и далѣе до Копенгагена. Я немедленно пошелъ къ хорошо мнѣ извѣстному книгопродавцу Шикю, у

котораго рядомъ съ книжной лавкой помѣщался «Reise Bureau»¹⁾), прося доставить мнѣ необходимое намъ число билетовъ, сегодня же вечеромъ, въ нашу гостиницу.

Сообщивъ М. Р. М. и его супругѣ о заказѣ желѣзнодорожныхъ билетовъ, мы, въ теченіе дня, занялись укладкою своихъ вещей, а послѣ обѣда, въ холлѣ, не спуская глазъ съ входныхъ дверей гостиницы, нервно поджидали посыльного изъ Reise-Bureau.

Въ 9 часовъ вечера, мы вдругъ увидели самого Шика, направлявшагося ко мнѣ. Мы сразу вскочили, и пошли ему на встрѣчу.

— «Ну, что, есть билеты?»—невольно вскрикнули мы одновременно.

— «Билеты я принесъ»,—смущенно отвѣтилъ Шикъ,—но ѣхать вамъ я бы не совѣтовалъ».

— «Это почему?»—сказалъ я ему.

— «Видите ли, — отвѣтилъ онъ, — время очень безпокойное. Здѣсь васъ всѣ знаютъ, и относятся къ вамъ съ уваженіемъ, а въ Гамбургѣ, если вы даже

¹⁾ Частное бюро путешествій.

благополучно туда доѣдете, дѣло другое. Гамбургъ—гавань, моряки—народъ грубый, и вы можете подвергнуться самымъ неожиданнымъ, большимъ непріятностямъ». Онъ, видимо, еще хотѣлъ что-то добавить, но, замѣтивъ, что кругомъ собрались посторонніе, лишь промолвилъ: «какъ угодно. То, что я вамъ говорю, не въ моихъ интересахъ—билеты заказаны и готовы, но право... оставайтесь здѣсь».

Мы въ недоумѣніи переглянулись. Съ бѣдной г-жей М. чуть было не сдѣлался обморокъ, а мужъ ея, видя ея нервное состояніе, наотрѣзъ отказался ѣхать. Что мнѣ оставалось дѣлать? Я молча протянулъ руку Шикю, и сказалъ, что, при такихъ условіяхъ, я, одинъ, тоже не поѣду. Всѣ окружающіе это рѣшеніе одобрили, а я съ горькимъ чувствомъ своего безсилія, печально ушелъ въ свою комнату.

Проснувшись 19 іюля довольно рано, я прошелъ черезъ паркъ къ Елисаветинскому источнику, гдѣ дежурныя барышни, съ обычною предупредительностью, подали мнѣ мой стаканъ съ подогрѣтой минеральной водой. Четверть часа спустя, я

выпилъ предписанный мнѣ докторомъ второй стаканъ и, избѣгая встрѣчи со знакомыми, такъ какъ я чувствовалъ, что не въ силахъ поддерживать какой-либо разговоръ, вновь отправился въ Landesbank.

Къ не малому моему удивленію, парадный ходъ съ Луизенштрассе оказался закрытымъ. Стоявшій тутъ же мальчишка указалъ мнѣ на дверь со двора. Открывъ ее, я, повидимому, очутился въ канцеляріи директора банка, который, войдя черезъ минуту и увидавъ меня, схватилъ какую-то бумагу и, сдѣлавъ мнѣ знакъ послѣдовать за нимъ въ его кабинетъ, молча протянулъ ее мнѣ. Бумага эта оказалась краткой телеграммой Deutsche Bank, содержавшей лишь нѣсколько словъ: «Graf Toll Gelder laut Akkreditive Wolga-Kama nicht zahlen»¹⁾).

Меня точно громомъ поразило. Директоръ безпомощно развелъ руками, а я, низко опустивъ голову, точно во снѣ, поплелся по Луизенштрассе, направляясь къ своей гостиницѣ. Вдругъ, около меня послышался чей-то женскій голосъ:

¹⁾ «Графу Толлю деньги по аккредитиву Волжско-Камскаго банка не платить».

— «Aber Herr Graf was haben Sie? Sie sehen so traurig aus» ¹⁾).

Я поднялъ голову, и очутился рядомъ съ цвѣточнымъ магазиномъ, въ дверяхъ котораго стояла хозяйка, у которой я часто покупалъ цвѣты.

— «Будешь traurig aussehen» ²⁾),— отвѣтилъ я ей довольно рѣзко,—когда предстоитъ умереть съ голоду. Я при деньгахъ—безъ денегъ. Банкъ отказался уплачивать по моему аккредитиву, что же я теперь буду дѣлать?»

— «Ахъ, вы, бѣдный, милый графъ, отвѣтила цвѣточница,—умоляю васъ, зайдите,—а, потомъ, схвативъ себя за голову, скороговоркой прошептала:—Позвольте, позвольте, у меня тутъ въ кассѣ, кажется, должно быть около ста марокъ. Быть можетъ, завтра, да, да, завтра,—навѣрно, завтра, я еще достану 100 марокъ и вамъ ихъ отдамъ».

Не успѣлъ я опомниться, какъ увидалъ около себя трехъ или четырехъ

¹⁾ «Графъ, что съ вами? Вы выглядите такимъ печальнымъ».

²⁾ «Будешь выглядѣть печальнымъ».

женщинъ, — все хозяйки ближайшихъ магазиновъ, которыя разомъ закричали:

— «Милый, бѣдный графъ, да мы всѣ, всѣ сложимся, чтобы васъ ссудить деньгами, только будьте веселы и не дѣлайте такое мрачное лицо».

Я глубоко былъ тронутъ, сердечно поблагодарилъ ихъ и деньги, хотя и не принялъ, но, признаюсь, вспоминая все мною пережитое, весь ужасъ германскаго плѣненія, всю грубость, жестокость, издѣвательства въ отношеніи насъ, ни въ чемъ неповинныхъ людей, передъ которыми, или, вѣрнѣе, передъ деньгами которыхъ эти же нѣмцы раньше не знали, какъ преклониться, — описанная мною сцена является единственной свѣтлой минутой въ ряду пережитыхъ, полныхъ страданія, дней.

НЕУДАВШАЯСЯ ПОѢЗДКА ВЪ БЕРЛИНЪ.

Положеніе тѣмъ временемъ становилось все болѣе тревожнымъ. Всѣ ясно отдавали себѣ отчетъ, что война не сегодня, завтра начнется, а за обѣдомъ Н. П. К. съ большой тревогой сообщилъ намъ русскимъ о своемъ отчаянномъ по-

ложеніи, т. к. ему въ уплатѣ по аккредитиву также отказали, а у него съ семьей и прислугой, всего шесть человѣкъ, осталось всего около 300 марокъ, а мѣнять русскіе сотенные билеты наотрѣзъ отказались.

Наше предчувствіе насъ не обмануло. Одновременно стало извѣстно, что императоръ Вильгельмъ, съ балкона своего замка въ Берлинѣ, утромъ обратился съ рѣчью къ народу, въ которой говорилъ, что Россія мобилизуетъ свои войска на границѣ Германіи, и угрозой этой принуждаетъ его, кайзера, противъ воли обнажить свой мечъ для защиты дорогаго фатерланда.

Газетныя извѣстія объ объявленіи войны и начавшейся общей мобилизаціи мигомъ распространились по городу. Гомбургъ сталъ неузнаваемъ. Всѣ улицы были запружены неизвѣстно откуда явившимися, побѣдоносно марширующими солдатами, военными автомобилями и народомъ. Повсюду раздавалось нестройное и болѣзненно дѣйствующее на нервы пѣніе германскаго гимна, патріотическихъ пѣсень и неистовыхъ криковъ и аплодисментовъ. Гостиница наша какъ-будто

опустѣла — кругомъ все было тихо и становилось какъ-то жутко. Голова была тяжела, безотрадныя мысли преслѣдовали меня, и надѣясь, что небольшая прогулка по парку меня нѣсколько пріободрить я спустился внизъ.

Не успѣвъ я сдѣлать и двадцати шаговъ, какъ меня окликнулъ сенаторъ Н., который подойдя ко мнѣ взволнованно сказалъ:

— «Мнѣ необходимо съ вами переговорить — но я очень спѣшу. Ходить по улицѣ не совѣтую, вернемтесь въ вашу гостиницу».

Войдя въ пустой холлъ и занявъ первое попавшееся кресло, онъ сталъ мнѣ объяснять, что оставаться при нынѣшнихъ обстоятельствахъ въ Гомбургѣ, всѣми забытые, гдѣ то въ далекой прейнской провинціи — просто сумасшествіе. Необходимо, не теряя минуты, ѣхать въ Берлинъ, гдѣ при помощи нейтральныхъ дипломатическихъ агентовъ намъ легко будетъ пробраться въ Голландію, Данію или Швецію, а въ Стокгольмѣ, при помощи нашего уполномоченнаго министра, мы безпрепятственно переѣдемъ въ Россію. Онъ тутъ же по-

казалъ мнѣ взятые имъ уже на завтрашній утренній скорый 8-часовой поѣздъ желѣзнодорожные билеты для себя и семьи, состоящей изъ его больной супруги, его дочери вдовы съ двумя маленькими дѣтьми и прислуги.

Я долго колебался—какой-то внутренний голосъ мнѣ говорилъ, что этого дѣлать не слѣдуетъ, но сенаторъ Н. такъ меня убѣждалъ, что я согласился, и далъ ему слово сейчасъ же поѣхать на станцію, чтобы заручиться билетомъ. Билетъ I кл. до Берлина мнѣ безъ всякихъ возраженій выдали, а возвратясь въ гостиницу, я до обѣда занялся укладкой вещей и уплатой счета отеля.

Мое рѣшеніе уѣхать изъ Гомбурга мигомъ распространилось по всей гостиницѣ. Не успѣлъ я встать съ обѣда, какъ меня окружили какъ знакомые, такъ и незнакомые ея жители, убѣждая и чуть ли не упрашивая меня не покидать Гомбурга. Всѣ въ одинъ голосъ утверждали, что это прямо опасно, что, въ виду мобилизаціи насъ не пропустятъ, а какой-то не русскій господинъ рѣзко замѣтилъ:

«Вы рискуете, что васъ примутъ за шпиона и тогда Богъ знаетъ, что съ вами сдѣлають».

Совершенно подавленный всѣми этими заявленіями я рѣшился пойти къ сенатору Н., чтобы отказаться отъ поѣздки въ Берлинъ. Когда я пришелъ къ нему, онъ только что легъ въ постель, но принявъ меня и услышавъ, что именно меня привело, онъ усиленно сталъ убѣждать меня въ необходимости покинуть всѣми забытый Гомбургъ и, наконецъ, добавилъ:

— «Да, наконецъ, вы вѣдь общались ѣхать съ нами, а теперь, какъ будто отказываетесь, ну какъ хотите».

— «Въ такомъ случаѣ я ѣду» отвѣтилъ я,—«до свиданія, завтра въ 8 час. утра на вокзалѣ» и съ этими словами я простился.

Не заходя въ свою комнату, я поступался къ Н. П. К., который въ этотъ день со своей семьей, ни за завтракомъ, ни за обѣдомъ не показывался. Узнавъ о моемъ рѣшеніи уѣхать, онъ и члены его семьи искренно порадовались за меня, сказавъ, что не задумываясь послѣдовали бы этому примѣру если бы

необходимыя для этого средства, которыя они ждали отъ знакомаго изъ Берлина, уже были получены. Къ сожалѣнію у меня самого денегъ было въ обрѣзъ, — помочь я ничѣмъ не могъ и мы грустно простились.

ГИССЕНЪ.

На другой день, рано утромъ, услужливый «Hausdiener»¹⁾ отвезъ мой багажъ на желѣзнодорожную станцію, куда и я поспѣшилъ поѣхать вслѣдъ за нимъ, за добрый часъ до отхода поѣзда. У входа въ вокзалъ меня встрѣтилъ прохаживавшійся взадъ и впередъ солдатъ съ ружьемъ на перевѣсъ. Увидавъ меня, онъ молча указалъ на какого то полицейскаго, который потребовалъ мой паспортъ. Сказавъ «Gut»²⁾ онъ приступилъ къ подробному осмотру моихъ вещей. Не найдя ничего подозрительнаго, полицейскій разрѣшилъ сдать мой сундукъ до Берлина, а знакомый носильщикъ,

¹⁾ Слуга при гостиницѣ.

²⁾ Хорошо.

взявъ ручныя вещи, попросилъ меня подняться съ нимъ на перронъ.

Скорый поѣздъ, съ которымъ я соби-
рался ѣхать, только что подошелъ. Но-
сильщикъ на моихъ глазахъ поставилъ
сундукъ въ багажный вагонъ и схвативъ
мой несессеръ и другія мелочи посадилъ
меня, согласно указанію кондуктора, въ
отдѣленіе I класса, гдѣ какая то дама
и два англичанина уже находились.

Отсутствіе сенатора Н. и его семьи,
которыхъ я тщетно искалъ глазами на
платформѣ, не мало меня беспокоило,
въ сосѣднихъ отдѣленіяхъ занимаемого
мною вагона ихъ тоже не оказалось, а
потому, прождавъ часа полтора и оста-
вивъ свой ручной багажъ въ занимае-
момъ мною отдѣленіи, я сталъ переби-
раться изъ одного вагона въ другой.

Пройдя три, четыре вагона, я всю
семью Н. наконецъ нашелъ. Мы весело
стали разговаривать, счастливые, что вы-
рвались изъ Гомбурга. Въ это время,
было около 10 часовъ утра, нашъ скорый
поѣздъ, значительно убавивъ ходъ, сразу
остановился. Не успѣлъ я взглянуть въ
окно и прочитать на станціи надпись
«Гиссенъ», какъ дверь нашего купэ съ

трескомъ открылась и какой то полицейскій повелительно крикнулъ:

— «Alle Russen heraus!»¹⁾.

Не давая себѣ отчета въ его словахъ, я переспросилъ, что ему угодно. Съ озлобленіемъ взглянувъ на меня, онъ еще болѣе грубымъ голосомъ крикнулъ:

— «Sie sind Russe? Dann heraus!»²⁾.

Не помня себя, я кое какъ протиснулся сквозь толпу народа, наполнявшую узкіе корридоры вагоновъ и съ злорадствомъ разсматривавшихъ насъ и, забывъ въ торопяхъ свое дорожное пальто, которое я конечно, больше никогда не уви-дѣлъ, схватилъ свой ручной багажъ и направился къ выходнымъ дверямъ вагона.

Не успѣлъ я вступить на платформу, какъ увидалъ передъ собой наступающую на меня толпу людей, которые, поднявъ кулаки, съ искаженными отъ злобы и ненависти лицами закричали: «Вы негодяи, шпіоны, отравили источникъ на нашей станціи. Смерть вамъ! Смерть!!».

— «Замолчите», крикнулъ я имъ, сложивъ руки, и, глядя на нихъ въ

¹⁾ Всѣ русскіе вонъ!

²⁾ Вы русскій? Тогда — вонъ!

упоръ, прислонился къ вагону, чтобы на меня сзади не напали. — «Вы называете себя культурнымъ народомъ, а нападаете цѣлою толпою въ 30—40 чело-вѣкъ на одного путешественника, который сейчасъ только на вашихъ глазахъ вышелъ изъ вагона. Подумайте, когда же я могъ отравить вамъ источникъ?».

Не знаю чѣмъ бы это кончилось, если бы въ это время ко мнѣ быстро не подошелъ какой-то полицейскій или жандармъ и грубо потребовавъ мою багажную квитанцію крикнулъ: «Vorwärts, dahin»¹⁾, указавъ на группу чело-вѣкъ въ 90, только что высаженныхъ изъ по-ѣзда соотечественниковъ всѣхъ возра-стовъ съ ихъ женами и дѣтьми, безпо-мощно стоявшихъ на платформѣ и окру-женныхъ солдатами. Послѣ новаго окрика, насъ повели за желѣзную ограду близ-лежащаго станціоннаго двора, приказавъ намъ сложить тутъ же свой ручной ба-гажъ. Послѣ тщательнаго просмотра на-шихъ паспортовъ и еще болѣе подроб-наго осмотра двумя жандармами нашихъ вещей, намъ крикнули, что намъ пред-

¹⁾ Впередъ! Туда!

стоитъ длинный путь, а потому разрѣшается захватить съ собой лишь то, что каждый изъ насъ въ состояніи самъ нести на своихъ плечахъ.

Я съ возмущеніемъ взглянулъ на кричавшаго и, махнувъ рукой, сказалъ, что не будучи носильщикомъ, предпочитаю оставить свои вещи на произволъ судьбы, тутъ же, на каменномъ полу, станціоннаго двора.

Вслѣдъ за тѣмъ, насъ тѣснымъ кольцомъ окружилъ конвой подъ предводительствомъ офицера, раздалась рѣзкая команда: «Vorwärts!» ¹⁾ и насъ вывели на улицу.

Противъ вокзала стояла тысячная толпа самого разношерстнаго народа. Крики, брань, ругательства по нашему адресу, сопровождали насъ все время, т. к. вмѣстѣ съ нами двинулась и вся толпа, все увеличивающаяся по мѣрѣ прохожденія черезъ городъ и приближенія къ главной улицѣ.

Выйдя, наконецъ, изъ города, насъ погнали подъ палящими лучами солнца

¹⁾ Впередъ.

по пыльному шоссе, которому, казалось не было конца.

Большинство изъ насъ, пріѣхавшіе въ качествѣ больныхъ въ «милую» Германію лечиться и обезсиленные отъ волненія едва передвигали ноги, а толпа «культуртрегеровъ» сопровождала насъ выкриками «*Diese russischen Schweine!*», «*Diese verfluchten Russen!*» или нескладнымъ пѣніемъ: «*Lieb Vaterland kannst ruhig sein*» и «*Deutschland, Deutschland über Alles*».

Вдругъ все замолкло, а вслѣдъ за тѣмъ поднялся неописуемый крикъ. Оказалось, что какой-то несчастный іудей съ бѣлой, длинной бородой, не выдержавъ тяжесть нашего путешествія, вдругъ упалъ. Толпа разомъ ринулась на него и съ гикомъ, и криками «*Hurrah!*» (ура!), стала подбрасывать его на рукахъ. Когда онъ падалъ на землю, на смѣну являлись другіе добровольцы-палачи, снова подбрасывая его, и я съ ужасомъ увидѣлъ, какъ голова несчастнаго, безпомощно, какъ у мертвеца, моталась со стороны на сторону.

Я остолбенѣлъ, и невольно остановился. Тогда шедшій за мною солдатъ безцеремонно хлопнулъ меня рукой по

плечу, приговаривая: «Vorwärts, vorwärts, auftreten!». Но, будучи весьма вспыльчиваго характера, терпѣнію моему насталь конецъ. Я злобно обернулся, смѣрилъ его глазами и крикнулъ:

— «Не смѣйте меня трогать. Вы простой солдатъ, рядовой, и никакихъ знаковъ отличія на вашей груди нѣтъ, а я имѣю отъ вашего Вильгельма нѣсколько орденовъ, и въ томъ числѣ орденъ Краснаго Орла I степени. Понимаете ли, вы, что это значитъ?».

Онъ растерянно посмотрѣлъ на меня, и отступя на шагъ, приложилъ руку къ козырку.

Говорятъ, «шила въ мѣшкѣ не утаишь» и свойственная мнѣ вспыльчивость, по-видимому, давно уже была подмѣчена многими русскими. Такъ, Н. П. Карабчевскій, въ своей интересной брошюрѣ: «Мирные плѣнники въ курортномъ плѣну у нѣмцевъ», неоднократно на нее указываетъ (стр.стр. 53, 119 и 123).

Послѣ этого маленькаго отступленія возвращаюсь къ своему прерванному разсказу.

Наше шествіе, при все усиливающейся жарѣ по испорченному шоссе,

которое то поднималось въ гору, то опускалось, становилось все тягостнѣе. Мы обливались потомъ, пройдя уже болѣе пяти верстъ, а конца все еще не было видно. Въ это время сенаторъ Н. подошелъ ко мнѣ со своей женой. Указавъ на нее, онъ сказалъ:

— «Ради Бога, графъ, дайте ей руку, я больше не въ силахъ ее поддерживать». Бѣдная женщина грузно оперлась на мою руку и, видя ея удрученный, безпомощный видъ, я собралъ все свои силы, чтобы благополучно довести ее до цѣли нашего путешествія.

Пройдя нѣсколько сотъ шаговъ мы вдругъ увидѣли, въ облакѣ пыли ѣдущихъ намъ на встрѣчу мужчинъ и женщинъ, и кто-то изъ нихъ крикнулъ по-русски: «Не бойтесь, ничего страшнаго не будетъ. Всѣхъ отпустить!»

Слова эти, произнесенныя, какъ потомъ оказалось, профессоромъ Бирюковымъ, наканунѣ высаженномъ изъ поѣзда въ Гиссенѣ и арестованномъ, какъ и мы, съ большой партіей русскихъ, произвели на насъ магическое впечатлѣніе. У всѣхъ на душѣ стало легче и, пройдя еще версты полторы, мы, нако-

нецъ, увидѣли передъ собой въ глубинѣ огромнаго двора, куда насъ вогнали, какое-то довольно мрачное, сѣрое зданіе.

Когда мы простояли нѣсколько минутъ, намъ приказано было войти небольшими группами во внутрь зданія, при чемъ, два солдата, стоявшіе у дверей, штыками осаживали напирающихъ. Войдя въ переднюю, мы увидѣли нѣсколько открытыхъ дверей, которыя вели въ сосѣднія комнаты, частью уже переполненныя народомъ. Намъ указали на пустую комнату, гдѣ ни стульевъ, ни скамеекъ не оказалось, и мы, голодные и измученные физически и нравственно, съ блаженствомъ усѣлись на полъ.

Партія плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ я находился, почти исключительно состояла изъ іудеевъ. Знакомыхъ никого не оказалось, а семейство Н. безслѣдно куда то исчезло,—очевидно находясь въ одной изъ смежныхъ комнатъ. Наконецъ, послѣ долгаго ожиданія, кто то, подойдя со двора къ нашему настѣжъ открытому окну, крикнулъ: «Ihre Pässe!» («Ваши паспорта!»). Поднялась невообразимая суета. Всѣ бросились въ сторону, откуда мы услыхали этотъ голосъ, но стоявшіе

около насъ часовые грубо отталкивали вышедшихъ изъ очереди. Находясь случайно у самаго окна, я вскочилъ съ своего мѣста, и увидавъ, стоявшаго передо мной полицейскаго чиновника, молча протянулъ ему свой паспортъ. «Ваша фамилія? Зачѣмъ пріѣхали въ Германію?» спрашивалъ онъ cadaго изъ насъ, отбирая паспорта, и забравъ ихъ, быстро исчезъ внутри зданія.

Послѣ томительнаго ожиданія, чиновникъ этотъ вновь появился у окна, выкрикивая наши фамиліи. Въ числѣ первыхъ оказался и я. Онъ сравнительно вѣжливо возвратилъ мнѣ мой паспортъ, а также и пропускъ въ видѣ небольшого клочка бумаги съ надписью «*Entlassen*». (Отпущенъ) и неразборчивою подписью, добавивъ: «*Sie sind frei*». (Вы свободны). Я первый бросился черезъ дворъ къ выходу, предъявивъ часовому свой драгоценный пропускъ. Онъ кивнулъ головой и открывъ ворота сказалъ: «*Sie können gehen wohin Sie wollen*» (Можете идти куда хотите).

«Ходить я не стану», отвѣтилъ я ему, — «я къ этому не привыкъ, я и безъ того полумертвый отъ милой прогулки изъ

Гиссена. Позовите мнѣ автомобиль или дрожку».

Онъ удивленно и строго посмотрѣлъ на меня, и прошипѣлъ.

«Такихъ нѣтъ», а потомъ, смѣривъ меня еще разъ сверху до низу, прибавилъ:

«Вотъ кажется свободная дрожка,—можете ее взять».

Не помня себя отъ счастья, я подбѣжалъ къ извозчику, крикнувъ ему: «Nach Giessen!» (Въ Гиссенъ) «Dreissig Mark!» (30 марокъ) отвѣтилъ онъ. Я съ радостью кивнулъ ему головой, и только что хотѣлъ тронуться, какъ тотъ же часовой крикнулъ «Halt!» (Стой!) и въ ту же минуту компанія, изъ шести или семи человѣкъ мужчинъ и женщинъ, прося извиненія за беспокойство, усѣлись, какъ могли, въ мои дрожки. Какая то толстая жиловка, лоснящаяся отъ пота, безцеремонно и грузно усѣлась на мое колѣно, и мы двинулись въ путь.

Обратное путешествіе при такихъ условіяхъ трудно было назвать пріятнымъ, но мысль, что я свободенъ, до того овладѣла мною, что я чувствовалъ себя вполне счастливымъ. Подвигались мы малой рыс-

пой и, подѣхавъ наконецъ къ вокзалу, я расплатился съ возницей. Толстая жи-довка, видя это, спросила «а что я должна?» «Ничего» отвѣтилъ я ей. Тогда, сунувъ мнѣ 5 марокъ въ руку, она схватила свой мѣшочекъ и убѣжала, а остальные, ви-димо, не желая послѣдовать этому при-мѣру, улыбнулись и пошли за нею.

Покончивъ съ извозчикомъ, я напра-вился въ близъ лежащій станціонный дворъ въ надеждѣ отыскать свой ручной багажъ. Рѣшетчатые ворота были закрыты, но послѣ убѣдительныхъ, путемъ «тринк-гельда», переговоровъ, со стоящимъ тутъ же часовымъ, они раскрылись, и мнѣ уда-лось вызвать полицейскаго. Вещи мои лежали на томъ же мѣстѣ, гдѣ я, ихъ утромъ оставилъ. Вновь началась беско-нечная процедура осмотра моихъ вещей и паспорта, и мнѣ наконецъ разрѣшили позвать носильщика и выдали пропускъ, до сихъ поръ хранящійся у меня. На этой бумажкѣ, съ одной стороны, штем-пель съ гербомъ и надписью «Grossh. Hess. Polizeiamt. Giessen» ¹⁾. Сверху отъ

¹⁾ «Великогерцогское Гессенское полицейское упра-вление. Гиссенъ».

руки написана моя фамилія, а съ боку «Gepäck revidirt ¹⁾. На другой сторонѣ этой бумажки значится: «Durchlassen nach Berlin. Giessen 3 (8) 14» ²⁾, остальные два слова неразборчивы.

Было уже около пяти часовъ. Съ ранняго утра я ничего не ѣлъ. Голодъ и жажда сильно давали себя знать, и я, не теряя времени, поспѣшилъ въ ресторанъ 1 класса, куда носильщикъ и принесъ мои ручныя вещи.

Утоливъ свой голодъ, я пошелъ отыскивать начальника станціи, заявивъ ему, что у меня отобрали багажную квитанцію, но что вещи мои, вѣроятно, здѣсь. Въ доказательство, что я ихъ собственникъ, могу описать ихъ наружный видъ, предъявить ключи и указать, какіе именно въ сундукъ уложены предметы. Онъ съ этимъ согласился и повелъ меня въ переполненное сундуками, ящиками и дорожными вещами багажное отдѣленіе, состоящее изъ двухъ или трехъ большихъ комнатъ, сказавъ: «укажите ваши вещи». Болѣе получаса мы въ поискахъ ходили

¹⁾ «Багажъ досмотрѣнъ».

²⁾ «Пропустить въ Берлинъ. Гиссенъ 3 (8) 14».

изъ угла въ уголъ, но увы, ни вещей моихъ, ни багажной квитанціи, нигдѣ не оказалось. Я печально возвратился въ залъ I класса, гдѣ наконецъ увидалъ семейство сенатора Н.

Обмѣнявшись взаимными привѣтствіями, мы рѣшили съ первымъ же поѣздомъ продолжать нашъ столь неожиданно прерванный путь въ Берлинъ. Начальникъ станціи, по предъявленіи ему нашихъ билетовъ и пропусковъ, на это согласился, и мы вышли на перронъ.

Точно по заказу въ это время подходилъ берлинскій поѣздъ. Не теряя времени, мы сложили свой ручной багажъ въ пустое отдѣленіе I класса, но не успѣли мы усѣсться, какъ къ вагону подошелъ какой то офицеръ, крикнувъ:

«Что вы дѣлаете? Вѣдь это «Bummelzug» (товаро-пассажирскій поѣздъ). Васъ остановить, гдѣ попало. Выходите. Черезъ четверть часа прибудетъ «Schnellzug» (скорый поѣздъ), тогда и поѣдете».

Мы переглянулись, молча вышли на платформу, захвативъ свои вещи и, не сходя съ мѣста, стали ждать. Черезъ нѣсколько минутъ ожидаемый поѣздъ дѣйствительно съ трескомъ прикатилъ и

остановился передъ нами. Схвативъ снова нашъ ручной багажъ, мы вошли въ открытую дверь перваго попавшагося вагона, но знакомый уже намъ голосъ на сей разъ рѣзко прокричалъ.

«Куда? Вы ослѣпли что ли? Развѣ вы не видите, что ни одного свободного мѣста нѣтъ. «Выходите! Скорѣе, скорѣе! Heraus!» («Вонъ»).

Точно ужаленные мы, съ нашими вещами, вновь выскочили изъ вагона, а поѣздъ черезъ минуту укатилъ дальше.

Совершенно растерянные мы обратились къ нашему мучителю съ вопросомъ, что же намъ дальше дѣлать?

«Поѣзжайте обратно въ Гомбургъ и больше ничего,—въ Берлинъ я васъ не пропущу».

Вывавъ затѣмъ изъ своей записной книжки сохранившійся у меня листокъ бумаги, онъ передалъ его мнѣ, предварительно написавъ: «Diese Herrschaften sind bis Bad-Homburg durchzulassen und haben sich bei der Bahnhofswache zu melden. 6 Personen und 2 Kinder. Schmidt 7 B. 16». («Эти господа должны быть пропущены до Бадъ-Гомбургъ и обязаны явиться караулу при вокзалѣ.

6 персонъ и 2 дѣтей. Шмидтъ лейтенантъ»).

Признаюсь, я въ эту минуту былъ счастливъ, что намъ не дозволили продолжать наше путешествіе въ Берлинъ. Воспоминаніе только что пережитаго, горько отзывалось въ душѣ, и мысль, что на одной изъ ближайшихъ отъ Гиссена станцій мы опять услышимъ: «Alle Russen heraus!» («Всѣхъ русскихъ вонъ») и наши мытарства снова начнутся, невольно рисовалось въ моемъ воображеніи. Да, впрочемъ, никакіе протесты тутъ бы и не помогли. Вѣдь нѣтъ сомнѣнія, что все, что нѣмцы съ нами продѣлали, было лишь проявленіе утонченной ихъ жестокости и низкаго, подлаго издѣвательства культурнаго народа надъ «беззащитными варварами». Иначе, зачѣмъ было водить больныхъ людей, женщинъ и дѣтей 6 верстъ пѣшкомъ, по жарѣ и подъ карауломъ, куда то за городъ, когда такъ легко было удостовѣриться въ нашей самоличности тутъ же на станціи, путемъ осмотра тѣхъ же нашихъ паспортовъ. Зачѣмъ было выдавать пропуска, украшенные великогерцогскимъ гербомъ и категорическою надписью: «Пропустить

въ Берлинъ», когда, спустя часъ—другой «комендантъ» васъ въ Берлинъ не пропускаетъ. Но что было дѣлать. Пришлось подчиниться, и полчаса спустя мы все, т. е. семейство Н. и я, уже сидѣли въ поѣздѣ, который, не заходя во Франкфуртъ, прямо черезъ Наугеймъ, уносилъ насъ въ Гомбургъ.

Прибывъ въ Наугеймъ, намъ объявили, что намъ предстоитъ пересѣсть въ другой поѣздъ, который отойдетъ только черезъ 20 минутъ. Мы вышли и усталые присѣли тутъ же на платформѣ.

Не прошло и четверти часа, какъ подошелъ воинскій поѣздъ, биткомъ набитый полуцѣлыми нѣмецкими солдатами, видимо направляющимися на западный фронтъ. На одномъ изъ вагоновъ крупнымъ шрифтомъ значилась надпись мѣломъ: «Herunter mit Paris» («Долой съ Парижемъ»), а рядомъ — на другомъ: «Vorwärts nach Petersburg!» («Впередъ въ Петербургъ!»).

Не будучи въ состояніи разрѣшить такую сложную задачу, очевидно подѣлать только нѣмецкому сверхъ-человѣку, чтобы уяснить себѣ, какъ войско, собирающееся уничтожить Парижъ, одновре-

менно могло бы очутиться въ Петроградѣ, я съ чувствомъ невыразимой гадливости отвернулся отъ этихъ самоувѣренныхъ тевтоновъ. Но пьяные солдаты видимо догадались, что мы русскіе и, когда ихъ поѣздъ тронулся, не упустили случая показать намъ свою беззавѣтную храбрость и, высунувъ намъ кулаки изъ всѣхъ оконъ, прокричали: «Russische Schweine!» (Русскія свиньи!), что всѣми хоромъ и было повторено на всѣ лады.

Около 8 час. вечера, нашъ поѣздъ, наконецъ, подобралъ насъ и отправилъ по назначенію. По прибытіи въ Гомбургъ насъ встрѣтила «Bahnhofswache», въ лицѣ толстаго офицера и какихъ то добровольцевъ. Когда снова начался осмотръ ручного багажа и паспортовъ, я не выдержалъ и сказалъ:

«Опять? Это сегодня въ четвертый разъ».

«Не кричите, или я васъ арестую!» заоралъ толстый офицеръ.

«Не я кричу, вы кричите» отвѣтилъ я ему,— «а я къ этому не привыкъ».

Понизивъ нѣсколько голосъ, онъ строго спросилъ:

«Куда вы хотите направиться?»

«Въ Паркъ-Отель» — былъ мой отвѣтъ. Послѣ этого, офицеръ подозвалъ какого то добровольца въ штатскомъ платьѣ, тирольской шляпѣ, съ бѣлой повязкой на рукѣ и винтовкой на плечѣ, и указавъ на меня и на выходную дверь повелительно прибавилъ: «Begleiten» (проводить). Но идти пѣшкомъ я на отрѣзъ отказался. Знакомый мнѣ носильщикъ, быстро, благодаря щедрому тринкгельду, отыскалъ карету и, взваливъ мой ручной багажъ на козлы, низко поклонился.

Мой неизвѣстный спутникъ молча сѣлъ рядомъ со мною. Подѣзжая къ гостиницѣ, я не выдержалъ, и улыбаясь обратился къ нему со словами:

«Хотя я занимаю очень высокую должность въ Петроградѣ, но въ жизни своей никогда еще не удостоился чести быть сопровождаемымъ «почетнымъ карауломъ». Этимъ отличіемъ я обязанъ вамъ. Покорно благодарю. Вѣрьте я этого никогда не забуду».

Бѣдный доброволецъ сконфуженно взглянулъ на меня, а я, приложивъ руку къ шляпѣ, выскочилъ изъ экипажа, и вошелъ въ гостиницу.

Въ подъѣздѣ немедленно поднялась невыразимая суматоха. Выскочилъ швейцарь, гаусдинеръ, директоръ и повсюду былъ слышенъ голосъ назойливаго Хассана:

«Terrible, terrible! Moussiou les Conté arrivé! Pâle, pâle. Très malatte!» («Ужасно, ужасно! Графъ приѣхалъ! Блѣдный, блѣдный, очень, очень больной!»).

Вѣсть о моемъ возвращеніи, мигомъ распространилась по всему дому. Не успѣлъ я войти въ корридоръ, гдѣ помещалась комната, которую я раньше занималъ и которую мнѣ вновь отвели, какъ К. и М. пришли мнѣ на встрѣчу, попросили зайти къ нимъ, съ участіемъ разспрашивая о постигшей меня неудачѣ. Я передалъ имъ все пережитое, съ благодарностью принялъ предложенныя мнѣ эфирныя капли и имѣя лишь необходимыя туалетныя принадлежности, т. к. багажъ мой на станціи не оказался, въ конецъ измученный, улегся спать.

ОТЕЛЬ АВГУСТА.

На утро, встрѣтившись съ назойливымъ Хассаномъ, который вкрадчиво, низко

кланяясь, подошелъ ко мнѣ и, безпощадно коверкая французскій языкъ, шопотомъ произнесъ на своемъ диалектѣ: «Nouvelles très movésses. Finlande est pliou. Pologne... pliou. Petersbourg — révolution. Empereur — blessé. Flotte russe — aussi révolution. Vous devoir partir Hôtel Augusta. Police ordonne» ¹⁾).

Я съ озлобленіемъ поднесъ ему кулакъ къ лицу и закричалъ по-русски:

— «Убирайся къ чорту. Убью тебя подлеца, если еще заговоришь со мною».

Оказалось впослѣдствіи, что все эти ужасающія свѣдѣнія были почерпнуты Хассаномъ изъ германскихъ газетъ, которыя сознательно распространяли лживыя телеграммы съ цѣлью подъема патріотическаго настроенія. Во время завтрака, ненавистная мнѣ г-жа Риттеръ, носившаяся съ ранняго утра, какъ угорѣлая, по гостинницѣ, уже успѣла наградить насъ сообщеніемъ, что во Франкфуртѣ возмущенная народная толпа раз-

¹⁾ Вѣсти очень дурныя. Финляндіи больше нѣтъ. Въ Петербургѣ бунтъ. Государь раненъ. Русскій флотъ тоже взбунтовался. Вы должны переселиться въ гостиницу Августа. Полиція приказываетъ.

несла отель «Russischer Hof» предполагая, что тамъ проживаютъ русскіе.

«Это каждую минуту ожидаетъ и насъ», всхлипывая добавила она, — «Боже мой, Боже, что намъ дѣлать?!».

Послѣ завтрака ко мнѣ постучался директоръ гостиницы, и стараясь выразить на своемъ лицѣ нѣчто вродѣ участія, промолвилъ: «Вы къ сожалѣнію должны выѣзжать отсюда». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подалъ мнѣ печатное объявленіе мѣстнаго ландрата о томъ, что всѣ проживающіе въ Гомбургѣ подданные воюющихъ съ Германіей державъ обязаны сегодня же и не позже шести часовъ вечера, переселиться въ отель «Августа», гдѣ и получаютъ дальнѣйшія указанія. Всѣ, не подчинившіеся этому приказанію къ назначенному сроку, будутъ подлежать отвѣтственности «какъ шпіоны».

Я обомлѣлъ. Только этого еще не доставало. Мигомъ вскочивъ и войдя въ гостинную Н. П. К. я тамъ нашелъ всю взволнованную его семью и супруговъ М. Они уже знали о случившемся, причемъ сообщили, что Риттеры настойчиво просятъ весь нашъ багажъ оставить у нихъ

на сохраненіе, т. к. въ виду мобилизаціи, вещи теперъ не повезутъ, но меня это мало касалось, т. к. моего сундука такъ и не разыскали.

Желая однако выяснить на сколько требованіе о переселеніи въ «Августу», дѣйствительно относится и къ намъ, я заявилъ Н. П. К., что лично справлюсь объ этомъ у ландрата, причемъ Н. П. любезно обѣщалъ при наймѣ помѣщенія для своихъ позаботиться и обо мнѣ. Ландрата дома не оказалось. Мнѣ сказали, что онъ уѣхалъ вмѣстѣ съ военными властями на реквизицію лошадей, но скоро долженъ вернуться. Продавъ его часа два, и видя, что стрѣлки часовъ уже указываютъ время, когда не явившійся въ «Августу» къ назначенному сроку иностранецъ «будетъ подлежать отвѣтственности, какъ шпионъ», я быстро направился, куда слѣдовало.

Никогда невиданное зрѣлище представилось моимъ глазамъ при входѣ въ гостиницу. Весь дворъ, всѣ корридоры нижняго этажа и вся лѣстница были усеяны народомъ. Преобладали еврейскія семьи, Богъ знаетъ откуда появившіяся. Гамъ, шумъ и крики раздавались

невообразимые, и всё, толкаясь и бранясь, стремились къ выходящему во дворъ открытому окошку нижней комнаты, гдѣ находился хозяинъ гостиницы и его директоръ. Кругомъ развалиясь, сидѣли вооруженные солдаты, наслаждаясь видомъ этой обезумѣвшей толпы, которая униженно молила о какомъ нибудь углу, куда бы склонить на ночь голову.

Къ великому моему счастью, я увидѣлъ въ толпѣ Н. П. К., который сидѣлъ мнѣ знакъ. Подойдя къ нему, онъ мнѣ сообщилъ, что съ трудомъ нашелъ четыре смежныхъ комнаты, изъ которыхъ первая—для супруговъ М., вторая—для меня, а двѣ остальныхъ для него, его семьи и прислуги,—всего шесть человѣкъ. Я сердечно поблагодарилъ его, и поднялся въ предназначенный мнѣ номеръ въ первомъ этажѣ. Но не успѣлъ я подойти къ открытому окну своей комнаты, выходящей на Луизенштрассе, какъ услыхалъ:

«Псть, псть».

Я удивленно выглянулъ, не понимая откуда звукъ, но въ ту же минуту увидалъ предъ собою, на улицѣ, солдата, который, прицѣливаясь изъ винтовки, закричалъ:

«Fenster zu oder ich schiesse» («Закройте окно или я буду стрѣлять!»).

Итакъ, мы оказались арестованными, незаслуженно арестованными за невѣдомыя и несодѣянные преступленія. Желая убѣдиться въ этомъ, я спустился по лѣстницѣ къ выходнымъ дверямъ гостиницы, но вооруженный солдатъ, стоявшій возлѣ нихъ, безцеремонно загородилъ мнѣ дорогу, грозно крикнувъ: «Назадъ!». Пришлось подчиниться.

Я повернулъ обратно, но, не будучи въ силахъ вновь взбираться въ душную, лишенную воздуха, комнату, отведенную мнѣ для ночлега, я повернулъ въ находящійся тутъ же небольшой садикъ отеля, обнесенный ажурной желѣзной рѣшеткой.

Передо мной безпечно рѣзвилась, играя въ жмурки, толпа маленькихъ дѣтей, родители которыхъ, сознавая всю тяжесть незаслуженнаго плѣна, печально слѣдили за ними. Но стоило только кому нибудь изъ этихъ крошекъ ближе подойти къ пресловутой ажурной рѣшеткѣ, какъ прогуливающіеся вдоль ея солдаты, прикладами грубо отталкивали ихъ. Тутъ я, наконецъ, уяснилъ себѣ,

что въ глазахъ «культурныхъ» нѣмцевъ, даже ребенокъ, если онъ русскій, является опаснымъ врагомъ, «а врагамъ пощады нѣтъ и быть не можетъ».

Когда всѣ наши знакомые изъ Паркъ-Отеля, въ 7 час. собрались къ обѣду, который оказался скуднымъ и отвратительнымъ на вкусъ, то, я къ немалому своему удивленію, не увидаль среди насъ многихъ знакомыхъ мнѣ русскихъ, проживавшихъ въ другихъ гостиницахъ. Повидимому, ихъ не принуждали покинуть облюбованныя ими мѣста жительства, насъ же, я въ томъ убѣжденъ, насильно выкинули на улицу, лишь благодаря интригамъ молодого Риттера съ супругой, съ ужасомъ говорившимъ намъ «о разгромѣ гостиницы въ Франкфуртѣ». Опасаясь той же участи, они немилосердно выселили тѣхъ самыхъ «дорогихъ гостей», передъ которыми они раньше ползали чуть ли не на колѣняхъ.

Взамѣнъ отсутствующихъ знакомыхъ русскихъ я къ меньшему удивленію увидаль двухъ-трехъ англичанъ, которые, какъ мнѣ казалось, нерѣдко пріѣзжали въ Паркъ-Отель. Къ невыразимой своей радости, я узналъ, что распространив-

пійся еще наканунѣ слухъ о томъ, что Англія объявила войну Германіи за нарушение нейтралитета Бельгіи, вѣренъ. Жаль мнѣ было бѣдныхъ англичанъ, отнынѣ столь-же ненавистныхъ германцамъ, какъ и мы, но сердце все-таки радостно забилося въ груди, когда возвращаясь въ свою комнату и проходя мимо стола, гдѣ сидѣли нѣмцы, я услыхалъ:

«Эти англичане! Вотъ подлые свиньи!». Сомнѣній у меня больше не было.

Не будучи дипломатомъ мои сужденія, конечно, цѣны не имѣютъ, но въ качествѣ скромнаго наблюдателя, меня, признаюсь, до крайности поразила совершенно непостижимая самонадѣянность нѣмцевъ. Вѣдь они, до послѣдней минуты не допускали мысли о вмѣшательствѣ Англіи во всемірную войну. Многіе изъ нихъ шли еще дальше. Забывая, что Англія съ нескрываемою подозрительностью давно уже слѣдитъ за громаднымъ ростомъ германскаго флота, они тѣмъ не менѣе допускали возможность, что Великобританія пожертвуетъ своимъ положеніемъ «царицы морей», чтобы стать на сторону центральныхъ державъ. Убѣдившись въ своемъ необъ-

яснимомъ ослѣпленіи, злоба германцевъ противъ англичанъ не знала предѣловъ. Брань и площадная ругань, точно изъ рога изобилія, сыпались на голову доблестныхъ нашихъ союзниковъ, а нѣкій лейтенантъ Застро (von Zastrow), добродушный, веселый, но прокутившійся отставной гвардейскій офицеръ, котораго я зналъ, такъ какъ онъ часто обѣдалъ въ нашей гостиницѣ, встрѣтивъ меня какъ то на улицѣ, въ порывѣ бѣшеннаго озлобленія обратился ко мнѣ со словами:

«Какіе подлецы эти англичане. Вотъ мерзавцы! Но мы имъ отплатимъ: *«Wir werden ihnen Eier legen»* («мы имъ яицъ подложемъ»), тогда они не такъ запоютъ.

«Я васъ не понимаю», отвѣтилъ я ему.

«Кажется ясно, что я говорю, германскій воздушный флотъ самый могущественный во всемъ мірѣ, — съ нимъ справиться никто не можетъ. Вотъ мы и пошлемъ эскадру цеппелиновъ на Лондонъ и черезъ часъ-другой отъ него ничего не останется».

Я съ возмущеніемъ взглянулъ на своего непрошеннаго собесѣдника.

«Простите, я не военный и, быть может, ошибаюсь», возразилъ я, «но честно ли забрасывать бомбами невооруженныхъ, мирныхъ жителей, состоящихъ почти исключительно изъ стариковъ, женщинъ и дѣтей, не могущихъ защищаться».

«Что дѣлать *«Krieg ist Krieg»* («война есть война»), былъ его отвѣтъ, и наша бесѣда на этомъ прекратилась.

Всѣмъ извѣстно, что нѣмцы неоднократно прибѣгали къ этому подлому способу веденія войны. Исторія, въ будущемъ по достоинству оцѣнитъ эти дѣйствія культуртрегеровъ. Лондонъ, пока, слава Богу, цѣлъ, а хваленый нѣмецкій воздушный флотъ потерпѣлъ не одно крупное пораженіе у ненавистныхъ имъ береговъ Великобританіи.

Наше маленькое общество, послѣ обѣда, пріютилось въ моей комнатѣ, гдѣ мы долго еще обмѣнивались печальными размышленіями и, наконецъ, въ 12 час. разошлись.

Сдѣлавъ свой ночной туалетъ, я наконецъ прилежъ, но желанный сонъ долго не приходилъ. Шумъ проѣзжающей по улицѣ артиллеріи, мѣрные шаги мар-

ширующихъ солдатъ, гудки военныхъ автомобилей, отрывистые окрики команды, нескончаемые возгласы «Ура! ура!» и пѣніе ненавистныхъ германскихъ патріотическихъ пѣсенъ, не давали покоя.

Слѣдующій день принесъ намъ неожиданно радостную вѣсть. Сообщили, что по распоряженію мѣстныхъ властей всѣ подданные воюющихъ съ Германіей державъ должны завтра же, 24 іюля (6 августа), покинуть Гомбургъ. Невыѣхавшіе подвергнутся строжайшей отвѣтственности. Подробности не были еще извѣстны, но увѣряли, что завтра къ 12-ти или къ часу дня заготовлены будутъ особые поѣзда, которые и доставятъ насъ до желанной границы. Всѣ воспрянули духомъ. Сердца наши были преисполнены надеждой, и мнѣ казалось, что солнце никогда еще не улыбалось намъ такъ привѣтливо, какъ въ этотъ день.

ОБМАНУТЫЯ НАДЕЖДЫ.

24 іюля, около пяти часовъ утра, неожиданный стукъ въ дверь, возня въ смежныхъ комнатахъ занимаемыхъ М. и

К., шумъ и бѣготня по нашему корри-
дору сразу подняли меня. Гаусдинеръ,
а вслѣдъ затѣмъ и М. Р. М., совершен-
но уже одѣтый, попросили меня пото-
ропиться, т. к. намъ, мужчинамъ, прика-
зано собраться къ 6 час. утра во внут-
ренній садъ отеля. По приходѣ туда
насъ немедленно окружилъ военный ка-
раулъ, а немного спустя появился по-
лицейскій комиссаръ, который потребо-
валъ наши паспорта, сталъ спрашивать
сколько кому лѣтъ, а вслѣдъ затѣмъ,
отдѣлилъ въ особую группу всѣхъ муж-
чинъ, имѣвшихъ отъ 17 до 45 лѣтъ.

Я съ ужасомъ посмотрѣлъ на несча-
стныхъ женъ и матерей, разлученныхъ
со своими мужьями и сыновьями и на
бѣдную г-жу М., которая откуда то по-
явилась, и увидавъ своего мужа въ этой
группѣ, со слезами и душу раздираю-
щими криками бросилась къ нему
въ ту самую минуту, когда всю эту
партію, окруженную стражей, уводили
въ тюрьму. Къ счастью, г-жѣ М. при
помощи Риттеровъ, съ которыми она
часто видѣлась, нѣсколько позже уда-
лось освободить мужа изъ тюрьмы. За-
тѣмъ всѣмъ намъ приказано было явиться

въ полицейское управленіе. На этотъ разъ стража насъ не сопровождала. По предъявленіи паспортовъ имена наши, а равно и показанія о профессіи и лѣтахъ, были занесены въ особые списки и намъ объявили, что мы къ часу дня должны быть на вокзалѣ.

По возвращеніи въ гостиницу, я потребовалъ свой счетъ, съ радостью уплатилъ за проведенную тамъ ночь 32 м. 60 пф., наградилъ лакея, дѣвушку, гаусдинера и швейцара и убѣдившись, что денегъ на дорогу хватить, попросилъ, чтобы мнѣ позвали дрожку. Въ ту минуту, когда я и еще кто то изъ нашихъ успѣлись въ открытый экипажъ, ко мнѣ подошелъ глубоко антипатичный докторъ фонъ-Норденъ и, полупрезрительно приложивъ руку къ шляпѣ, сказалъ:

«Я знаю, что вы думаете».

Не отдавъ ему поклона, я отвѣтилъ: «При такомъ съ нами обращеніи—догадаться не особенно трудно», желая указать на тяжелое и безпримѣрное въ исторіи обращеніе нѣмцевъ съ мирными плѣнниками. Полагаю, однако, что мои слова никакого дѣйствія на него не произвели, слишкомъ низкій это былъ человѣкъ.

Образчикъ его цинизма я приведу въ другомъ мѣстѣ, а тутъ отмѣчу только, что навѣстивъ Нордена въ пріемные его часы за день или за два до неудавшагося моего отъѣзда въ Берлинъ, съ цѣлью уплатить слѣдуемый съ меня гонораръ, я въ разговорѣ, между прочимъ, вскользь упомянулъ о бѣдственномъ нашемъ положеніи, т. к. русскимъ денегъ по аккредитивамъ не выдаютъ. Обстоятельство это, однако, ничуть на него не повліяло и на мой вопросъ сколько я ему долженъ, заломилъ двойную сумму противъ той, которую онъ обыкновенно требовалъ.

На вокзалѣ столь знакомая мнѣ картина вновь представилась моимъ глазамъ. Солдаты не оказались, но вооруженные милиціонеры, въ гордомъ сознаніи возложеннаго на нихъ патріотическаго долга, немилосердно рылись въ нашихъ вещахъ.

Послѣ долгаго осмотра, мы, наконецъ, получили разрѣшеніе подняться на платформу, гдѣ толпа семейныхъ русскихъ и англичанъ съ чадами и домочадцами беспомощно стояла около своей клади, которую они, за недостаткомъ носиль-

щиковъ, сами должны были притащить съ собою наверхъ.

Число лицъ, желающихъ отбыть во Франкфуртъ, съ каждой минутой все увеличивалось. День былъ знойный. Плачь въ конецъ измученныхъ дѣтей оглашалъ воздухъ то тутъ то тамъ, придавая этой тяжелой картинѣ еще болѣе тоскливый отпечатокъ. Въ это время мимо меня пронесли на носилкахъ какую-то даму, блѣдное, изнеможенное лицо которой безучастно выглядывало изъ подъ темнаго покрывала.

Я едва успѣлъ посторониться, чтобы дать ей дорогу, какъ услышалъ за собою знакомый уже мнѣ нѣмецкій, рѣзкій окрикъ: «Ruhig!» («Смирно») и тутъ же увидалъ быстро приближающагося немолодого уже господина, съ просѣдою, украшеннаго германскимъ орденомъ желѣзнаго креста, въ статскомъ платьѣ и мягкой шляпѣ, который, размахивая толстою палкою, крикливо отдавалъ какія-то приказанія.

Оказалось, что мы должны были перебраться черезъ рельсы на другую сторону «банштейга», что въ виду отсутствія ступенекъ, обременяющаго насъ ручного

багажа и общей сутолоки оказалось задачей далеко не легкой.

Съ билетами I класса мы, наконецъ, были втиснуты въ какой-то вагонъ III класса, гдѣ насъ, пассажировъ, оказалось вдвое больше чѣмъ въ дѣйствительности было мѣстъ, не считая конвоировавшихъ насъ солдатъ и ручной багажъ, загромоздившій всѣ свободные уголки. Раздался окрикъ: «Fenster zu, oder es wird geschossen!» («Окна закрыть или будутъ стрѣлять!») и мы медленно тронулись въ путь.

Духота въ вагонѣ стояла непомерная. Выйти въ сосѣдній вагонъ, или хотя бы привстать было запрещено. Мы буквально изнывали, а наши мучители-конвоиры съ насмѣшливой улыбкой оглядывали насъ.

Послѣ безконечнаго двухчасового пути, вмѣсто обычнаго 25-ти минутнаго, мы, наконецъ, прибыли на Франкфуртскій вокзалъ. Лишь нѣсколько времени спустя раздалась команда: «Всѣ вонъ!» и насъ по одиночкѣ стали выпускать изъ накалившихся отъ необычайнаго зноя вагоновъ.

НОВЫЯ СТРАДАНИЯ.

Выйдя, наконецъ, на воздухъ, я подумалъ, что нашимъ страданіямъ насталъ конецъ, что мы свободны и вправѣ ѣхать, куда хотимъ.

Но я жестоко ошибся... Насъ снова окружили вооруженные милиціонеры и, давъ собравшейся на вокзалѣ озлобленной публикѣ вдоволь насладиться видомъ «побѣжденныхъ враговъ», стройно повели, по четыре въ рядъ, къ входу въ вокзалъ. Впереди, размахивая своей толстой палкой, на подобіе тамбуръ-мажора, шелъ нашъ командиръ, сѣдой господинъ съ орденомъ желѣзнаго креста. Нигдѣ не останавливаясь, насъ направили по длинному корридору и дойдя, наконецъ, до небольшой комнаты, надъ которой красовалась надпись: «Damenzimmer» дамская комната, втокнули въ нее, въ числѣ около 150 или 200 человѣкъ, захлопнувъ дверь за нами. Комната эта почти была лишена свѣта, т. к. онъ проникалъ только черезъ дверь и окно, продѣланныя въ корридоръ, а въ видѣ сидѣній тамъ всего оказалось двѣ-три скамейки, которыя, конечно, немедленно были заняты дамами и тяжело

больными. Воздухъ становился невыносимымъ, а жара еще нестерпимѣе чѣмъ въ вагонѣ. Стоявшіе у двери стражники, съ разрѣшенія начальства, наконецъ, смилостивились, и она широко распахнулась, но въ корридоръ никого не выпускали. Когда какія то двѣ дамы, чувствуя, что имъ, послѣ многихъ часовъ постоянныхъ волненій, необходимо удалиться въ дамскую уборную, хотѣли пройти туда, то часовые грубо ихъ оттолкнули и лишь послѣ долгихъ увѣщаній согласились пропустить ихъ, но при условіи, что онѣ пойдутъ по одиночкѣ и что одинъ изъ караульныхъ проведетъ ихъ по очереди и лично удостовѣрится, что онѣ намѣрены дѣлать. Сказанное продѣлывалось часовыми со всѣми нами, но съ дамами,—съ особой настойчивостью, т. к. нельзя же было требовать, чтобы «сверхъ культурные германцы» были лишены невиннаго удовольствія посмотреть какъ русскіи дамы... моютъ себѣ руки.

Записывая эти строки, вспоминая упешшія уже теперь въ далекое прошлое мытарства, видя снова передъ собой какъ бы на яву, испуганные глаза бѣгу-

щихъ по корридору несчастныхъ дѣвочекъ, барышенъ и молодыхъ женщинъ, стыдливо покрывающихъ себѣ лицо чѣмъ попало, сердце болѣзненно сжимается и горько приходится жалѣть, что молодые годы прошли и что военная неподготовленность и возрастъ не даютъ возможности вступить въ ряды арміи и отомстить на полѣ брани жестокому, подлому врагу, какъ за циничныя издѣвательства надъ моими несчастными соотечественницами, такъ и за совершенныя имъ, въ теченіе этой безпримѣрной войны, безчисленные преступленія.

Но возвращаясь къ своему разсказу. Было уже около 4-хъ часовъ, и мы съ безпокойствомъ стали спрашивать другъ друга, не забыло ли начальство о нашемъ существованіи.

Дѣло въ томъ, что немедленно по прибытіи на Франкфуртскій вокзалъ намъ было объявлено, что мы можемъ уѣхать изъ Германіи или черезъ Голландію, или черезъ Данію. Мало того, намъ даже привели кондуктора, который охотно принялъ на себя порученіе взять для всѣхъ насъ соотвѣтствующее количество дорожныхъ билетовъ, а между тѣмъ время шло и ни-

кто не показывался. Не слѣдуетъ также забывать, что мы были на ногахъ съ 5 час. утра. Усталость, жажда и голодъ все сильнѣе и сильнѣе давали себя чувствовать. Стоя у входной двери «дамской комнаты», гдѣ было немного свѣжѣе, я вдругъ увидалъ мимо бѣгущаго кельнера. Счастливая мысль осянула меня: я его окрикнулъ, и къ великому моему удовольствію, онъ не только вѣжливо подошелъ, но, въ отвѣтъ на просьбу принести полбутылки вина и бутерброды, предчувствуя щедрый тринкгельдъ, скороговоркой отвѣтилъ «сейчасъ» и дѣйствительно, черезъ двѣ-три минуты, уже принесъ просимое изъ рядомъ помѣщающагося желѣзнодорожнаго ресторана III класса.

Увидавъ это, пришибленное настроеніе моихъ сотоварищей-арестантовъ сразу измѣнилось. Всѣ повеселѣли. Десятки рукъ поднялись и со всѣхъ сторонъ только и были слышны возгласы: «Подайте и мнѣ, пожалуйста и мнѣ».

Не стану описывать дальнѣйшія подробности шестичасового пребыванія нашего въ душномъ помѣщеніи отведенной намъ «Дамской комнаты». Все, что

мы тамъ перетерпѣли, подробно уже описано талантливимъ перомъ Н. П. Карачевскаго въ названной мною уже его брошюрѣ. Скажу только, что было уже около 9 часовъ веч., когда мы, наконецъ, увидали приближающагося къ намъ обладателя желѣзнаго креста. Войдя въ нашу комнату, онъ поднялъ свою палку и рѣзко, какъ всегда, закричалъ: «Смирно». Всѣ умолкли и вопросительно взглянули на него. Цѣлый потокъ неожиданныхъ словъ вырвался изъ его груди. Прежде всего намъ было объявлено, что по измѣнившимся обстоятельствамъ намъ ѣхать на родину воспрещается. Въ виду сего мы немедленно же обязаны возвратиться въ Гомбургъ. Это особая къ намъ милость, но мы впредь обязаны будемъ подчиняться новому строгому режиму: не выходить на улицу группами, не говорить по-русски, съ 9 час. вечера не показываться внѣ своей гостиницы и т. д. На мой вопросъ, почему такая перемѣна, нашъ командиръ оказавшійся отставнымъ лейтенантомъ фонъ Макъ, а нынѣ начальникомъ Гомбургскаго гарнизона, строго спросилъ меня: «Wer sind Sie» («Кто вы»). Когда я назвалъ свою фамилію,

онъ оглянулъ меня и видно узнавъ, нещадно сталъ трясти мнѣ руку. Тутъ то и произошла та высококомичная сцена, которую Н. П. Карабчевскій съ такимъ мастерствомъ описалъ на страницѣ 65-й своей брошюры.

Оказалось, что мы познакомились съ фонъ Макомъ много лѣтъ тому назадъ, когда, я, вскорѣ по окончаніи курса Императорскаго Училища Правовѣдѣнія, по совѣту докторовъ, поѣхалъ въ Гомбургъ. Мы тогда оба влюбились въ молодую барышню неописуемой красоты, графиню Ванду Ф. Воодушевленное, громкое выраженіе восторженныхъ о ней воспоминаній фонъ Мака въ такой трагическій моментъ, какъ тотъ, который мы переживали, дѣйствительно вызывалъ у всѣхъ присутствующихъ улыбку сквозь слезы.

Я тѣмъ не менѣе искренно обрадовался этой встрѣчѣ, чувствуя, что отнынѣ, въ лицѣ фонъ Мака я найду, не только рѣзкаго крикливаго начальника гарнизона, но и стараго знакомаго, который, по моей просьбѣ, чловѣчнѣе будетъ относиться къ намъ, русскимъ. Я скоро имѣлъ возможность убѣдиться, что я не ошибся въ своихъ пред-

положеніяхъ. Мысль снова проживать въ ненавистой гостиницѣ «Августа», никому изъ нашего общества не улыбалась. Съ общаго согласія супруговъ М. и семьи К. я поэтому обратился къ фонъ Маку съ просьбой дать намъ разрѣшеніе поселиться въ гостиницѣ «Викторія», пользующейся по общему отзыву не меньшею славою чѣмъ пресловутый «Паркъ-Отель». Онъ не только на это согласился, но даже обѣщалъ предупредить о нашемъ приѣздѣ гостиницу по телефону.

Послѣ томительнаго получасоваго ожиданія намъ было приказано забрать свой ручной багажъ. Насъ выстроили, снова повели на платформу и снова запихали въ вагонъ III класса. Опять раздалась команда: «Окна закрыть или будутъ стрѣлять», и мы поплелись, еле двигаясь, оставивъ за собою не только Франкфуртъ, но и наполнявшую насъ радостнымъ чувствомъ надежду—вступить на родную землю.

ОТЕЛЬ «ВИКТОРІЯ»

Было около 12 час. ночи, когда мы наконецъ, нравственно и физически из-

мученные, прибыли на Гомбургскій вокзалъ. Вся программа издѣвательствъ въ видѣ осмотра паспортовъ, нелѣпыхъ грубыхъ угрозъ и рѣзкихъ окриковъ, добросовѣстно было выполнено ожидавшими насъ милиціонерами.

Мой неожиданно появившійся во Франкфуртѣ благодѣтель фонъ Макъ, къ сожалѣнію, немедленно по прибытіи поѣзда куда-то исчезъ, но слѣдуетъ отдать ему справедливость,—слово свое онъ честно сдержалъ, предупредивъ отель «Викторія» о нашемъ пріѣздѣ, при чемъ гостиница эта, къ великому нашему изумленію и радости, съ своей стороны, предупредительно выслала намъ гаусдинера, чтобы забрать нашъ ручной багажъ.

Извозчиковъ не оказалось, а мы еле держались на ногахъ. Бѣдная супруга Н. П. К., которая чувствовала легкое недомоганіе, съ трудомъ переступала ногами. Я поспѣшилъ предложить ей свою руку и, такимъ образомъ, опираясь на своего мужа и меня, благополучно дошла до отеля.

Войдя туда, я глазамъ и ушамъ своимъ не повѣрилъ. Въмѣсто грубыхъ нѣмецкихъ окриковъ и озлобленныхъ

лицъ, насъ встрѣтили полные сердечнаго участія хозяева гостиницы. — Monsieur et madame Baehl¹⁾ и, заговоривъ со мною по французски, вѣжливо спросили, гдѣ я прикажу, чтобы мнѣ отвели комнату, — въ большомъ зданіи, выходящемъ окнами на Луизенштрассе, или, пройдя черезъ довольно обширный и красивый садъ гостиницы, въ одной изъ виллъ, выходящихъ окнами на параллельную съ нею улицу. Я нѣсколько сконфужено взглянулъ на вопрошающихъ, заявивъ, что будучи, какъ и всѣ арестованные, въ тяжеломъ матеріальномъ положеніи, едва ли въ правѣ предъявлять претензіи.

«Mais monsieur le Comte votre nom est une garantie plus que suffisante. Vous n'aurez qu'à signer la note de semaine et vous payerez ou et quand vous pourrez».

(«Помилуйте, графъ, имя ваше служить болѣе чѣмъ достаточнымъ залогомъ. Благоволите только подписать недѣльный счетъ, а уплатите вы гдѣ и когда вамъ это будетъ возможно»).

1) Г-нъ и г-жа Бэль.

Семейство К. рѣшило помѣститься въ одной изъ виллъ, я послѣдовалъ этому примѣру, и любезная хозяйка, красивая, изящная женщина, лѣтъ сорока, сама пожелала проводить насъ, чтобы угодить, нашимъ вкусамъ. Семейство К. помѣстилось весьма уютно внизу, мнѣ отвели этажемъ выше и какъ разъ надъ ними, прелестную, свѣтлую, прекрасно меблированную комнату, семейство Ф. Ант. Ив. размѣстилось въ смежной дачѣ, а супруги М. и сенаторъ Н. со своими чадами и домочадцами—въ большомъ зданіи отеля. Ложась спать, я послѣ долгихъ тоскливыхъ дней, въ первый разъ уснулъ крѣпкимъ сномъ, чувствуя себя счастливымъ, что живу подъ кровомъ добрыхъ, милыхъ и гостепріимныхъ хозяевъ.

На другой день намъ сообщили, что мы всѣ обязаны явиться въ «Garnison Kommando», помѣщающемуся въ домѣ фонъ Мака въ концѣ города. У запертыхъ воротъ, ведущихъ въ маленькій садикъ, около дома, стояли два молодыхъ караульныхъ, а въ самомъ саду находилась довольно помѣстительная бесѣдка, превращенная въ временную канцелярію,

гдѣ возсѣдалъ самъ хозяинъ и только что назначенный помощникъ его, молодой Leutnant a. d. (лейтенантъ въ отставку) von Zastrow (фонъ Застро), о которомъ я упомянулъ выше.

Разношерстного народа, ожидавшаго очереди было довольно много, но увидавъ насъ фонъ Макъ вскочилъ со своего мѣста, прося насъ присѣсть, а молодой его помощникъ предложилъ намъ скрѣпить заранѣе уже заготовленную подписку о томъ, что мы не въ правѣ на улицѣ говорить на своемъ родномъ языкѣ, не можемъ показываться внѣ своей гостиницы послѣ 9 час. вечера и не смѣемъ отлучаться изъ Гомбурга, даже въ близъ лежацій Франкфуртъ, безъ особаго на то всякій разъ письменнаго разрѣшенія гарнизоннаго начальства.

Покончивъ свои дѣла у фонъ Мака, я съ грустью вспомнилъ о моемъ несчастномъ багажѣ невѣдомо гдѣ находящемся. Положеніе мое было печальное,—я смѣло могъ сказать «*Omnia mea mecum porto*¹⁾», такъ какъ на мнѣ было

¹⁾ Все, что мое, ношу съ собой

одѣто все, что я имѣлъ, а въ резервѣ, т. е. въ ручномъ дорожномъ несессерѣ, была только одна смѣна бѣлья. Тратиться на покупку было не по средствамъ, а находится въ роли французскихъ маркизъ временъ Людовика XV, у которыхъ, какъ извѣстно, всего только было по двѣ рубашки, правда, украшенные дорогими кружевами, признаться мнѣ очень уже не хотѣлось. Я вошелъ въ первый попавшійся бѣльевой магазинъ и, купивъ самое необходимое и по возможности дешевое, забѣжалъ еще въ бюро для путешествій Шика, прося оказать мнѣ, черезъ своихъ агентовъ, содѣйствіе къ отысканію моего багажа. Онъ охотно на это согласился и такимъ же обѣщаніемъ я еще заручился со стороны знакомаго мнѣ хозяина другаго магазина.

Погода стояла дивная. Изъ открытой двери лѣтней столовой, помѣщающейся внизу и выходящей въ садъ нашей гостинницы, до меня доносились стукъ тарелокъ и шумные веселые разговоры. Оказалось, что завтракъ только что начался. Семейство Н. П. К. и супруги М. уже присѣли къ столу, любезно оставивъ мнѣ мѣсто рядомъ съ ними.

Услужливый garçon (лакей) французъ, подѣ наблюденіемъ оберъ келнера, ловко обносилъ блюда, которыя намъ, послѣ вчерашней голодовки, показались замѣчательно вкусными. Впрочемъ нельзя не признать, что супруги Бэль дѣлали все, что только могли, чтобы намъ угодить. Итальянецъ поваръ готовилъ на славу, провизія была не только безупречная, но не рѣдко даже изысканная и возможность пользоваться воздухомъ, не выходя на улицу и не встрѣчаясь съ искусственно настроенною нѣмецкою прессою, озлобленною толпою, было для всѣхъ насъ настоящимъ благодѣяніемъ.

НАДЕЖДЫ И ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ.

Несмотря на все это, полная неизвѣстность будущаго, невозможность дать своимъ вѣсточку о себѣ и отсутствіи писемъ и свѣдѣній изъ дому тяжелымъ кошмаромъ угнетали меня. Не видя иного выхода изъ этого положенія, я отправился въ телеграфное отдѣленіе почты, заготовивъ телеграмму на имя нашего посланника въ Стокгольмъ А. В. Неклюдова, прося его извѣстить мою жену въ

Рязанской губерніи, что я живъ. На почтѣ мнѣ заявили, что простую телеграмму и посылать не стоитъ, такъ какъ она неизвѣстно когда дойдетъ. Пришлось послать ее «dringend», т. е. срочной и уплатить около 15 марокъ, что по состоянію моего кошелька составляло цѣлый капиталъ.

Къ сожалѣнію, столь желанный отвѣтъ пришелъ многими днями позже, но въ этомъ я, конечно, ни минуты не виню А. В. Неклюдова, человека высоко отзывчиваго и добраго, и скажу съ грустью, единственнаго изъ нашихъ дипломатовъ, который дѣлалъ все, что онъ только могъ, чтобы сколько нибудь облегчить положеніе тѣхъ несчастныхъ русскихъ, которыхъ война застала за границей.

Нареканія на наше Министерство Иностранныхъ Дѣлъ впрочемъ неоднократно слышались въ средѣ нашей. Указывали на непростительное отсутствіе самой элементарной предусмотрительности нашего дипломатическаго вѣдомства, своевременно не принявшаго всѣхъ зависящихъ отъ него мѣръ къ устраненію самой возможности прибытія Ея Ве-

личества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны въ Берлинъ, а тѣмъ самымъ и отвращенію всѣхъ возмутительныхъ уличныхъ сценъ сопряженныхъ съ этимъ прибытіемъ.

Нельзя не указать на чрезвычайно возмутительное отношеніе германскихъ властей къ Великому Князю Константину Константиновичу и Его Семѣ, принужденныхъ итти подъ проливнымъ дождемъ цѣлыхъ десять верстъ до нашей границы. Указывали наконецъ и на то, что, имѣя полную возможность оцѣнить угрожающее положеніе политическаго небосклона и зная, что безчисленное множество русскихъ ежегодно, къ сожалѣнію, лѣжится въ германскихъ курортахъ, дипломатическое вѣдомство не сочло себя однако же обязаннымъ, хотя бы совершенно конфиденціально, поставить ихъ о возможной опасности въ извѣстность черезъ своихъ многочисленныхъ агентовъ. По этому поводу Н. П. К. въ брошюрѣ своей (стр. 67) совершенно правильно спрашиваетъ: «Или это не дѣло дипломатіи, оградить безопасность своихъ подданныхъ? Къ моменту объявленія войны ни одного

японца на германской территоріи уже не оказалось. Ихъ предупредили во время».

Маленькой иллюстраціей ко всему мною сказанному о нашихъ дипломатахъ могутъ служить слѣдующіе три факта:

Нѣсколько дней послѣ нашего переселенія въ отель «Викторія» В. П. К. сообщилъ мнѣ, что его супруга собирается на другое утро во Франкфуртъ за какими-то необходимыми покупками, но, онъ опасается проводить ее, такъ какъ плохо владѣя нѣмецкимъ языкомъ, легко можетъ поставить ее и себя въ крайне непріятное положеніе. Прекрасно зная нѣмецкій языкъ, такъ какъ я въ дѣтствѣ провелъ три года въ Берлинѣ и столько же времени въ Дрезденѣ, усвоивъ себѣ даже, кромѣ литературнаго языка, берлинскій и саксонскій діалекты, я охотно вызвался взять на себя роль сісегоне (проводника), тѣмъ болѣе, что въ общихъ нашихъ интересахъ давно хотѣлъ побывать у испанскаго консула, которому была ввѣрена защита интересовъ русскихъ. Мы съ него и начали. Онъ оказался чрезвычайно милымъ и любезнымъ человѣкомъ, но, думаю, быть мо-

жетъ не вполнѣ на высотѣ возложенной на него задачи. На вопросъ есть ли надежда на то, чтобы насъ, наконецъ, выпустили, и можетъ ли онъ оказать намъ въ этомъ содѣйствіе, онъ ограничился вздохами, говоря: «Z'espère, z'espere, que tout s'äranzera», («надѣюсь, надѣюсь, что все устроится»), и лишь усердно настаивалъ на томъ, чтобы мы выдали ему наши паспорта, которые, къ счастью были при насъ, для визированія. Перейдя затѣмъ къ вопросу о крайней нуждѣ многихъ постѣтившихъ его русскихъ, онъ намъ сообщилъ, что онъ въ этомъ отношеніи въ весьма тяжеломъ положеніи, такъ какъ бывший во Франкфуртѣ его коллега—русскій консулъ, при первой же тревогѣ немедленно собрался со своими сослуживцами въ дорогу. Второпяхъ они сунули испанцу всѣ находящіяся у нихъ на рукахъ дѣла и бумаги и, не оставивъ ему ни одного гроша денегъ,—укатили. Къ сожалѣнію, нашъ консулъ не имѣлъ времени подумать о бѣдной русской сиротѣ-дѣвушкѣ, занимающейся у него перепиской казенныхъ бумагъ. Со дня на день она осталась безъ всякихъ средствъ и теперь чуть не умираетъ съ голода.

Второй случай, менѣе трагичный; былъ лично со мною. Не получая отвѣта изъ Стокгольма и беспокоясь все болѣе о моей семьѣ, я рѣшился послать нашему посланнику въ Копенгагенъ телеграмму, сходную по своему содержанію съ посланной А. В. Неклюдову. Но отвѣта на нее я никогда и никакого получить не удостоился.

Въ заключеніе укажу еще на слѣдующее. Нѣкоторые изъ моихъ соотечественниковъ высказывали надежду, что намъ, быть можетъ, позволятъ уѣхать въ нейтральную Швейцарію, а оттуда въ Италію и просили меня срочно, по телеграфу, снестись съ нашимъ посланникомъ въ Бернъ, съ просьбой, оказать намъ въ этомъ нужное содѣйствіе и сообщить, можно ли надѣяться на уплату денегъ, по выданнымъ въ Россію аккредитивамъ, швейцарскими банками. Отвѣтъ, который я сохранилъ, послѣдовалъ слѣдующій? ?

«Wohlhabende angenommen. Durchreise gestattet. Rubel nicht gewechselt. Akredititive nicht honorirt. Gesandtschaft»

(«Состоятельныхъ принимаютъ. Прѣздъ допускается. Рублей не мѣняютъ.

По аккредитивамъ не платять. Посольство»). Коротко и ясно: поѣзжайте куда хотите, но не рассчитывайте на «посольство».

Возвратясь изъ Франкфурта мнѣ передали письмо г-жи Риттеръ, въ которомъ она самымъ слащавымъ образомъ просила меня вновь переѣхать въ «Паркъ-Отель», «къ преданнымъ старымъ друзьямъ», которые съ распростертыми объятіями примутъ не только меня, но и всѣхъ тѣхъ иностранцевъ, которыхъ мнѣ благоугодно будетъ указать».

Письмо это меня глубоко возмутило. Не слѣдуетъ забывать, что оно написано было той самой г-жей Риттеръ, которая нѣсколькими днями ранѣе, нещадно выкинула насъ на улицу, ссылаясь на строгій приказъ «гарнизоннаго начальства», а между тѣмъ намъ прекрасно было извѣстно, что благодаря ходатайству хозяевъ гостиницъ и виллъ многихъ иностранцевъ не выселили, а оставили на мѣстахъ до злочастной минуты нашего отбытія во Франкфуртъ. Теперь Паркъ-Отель очевидно стоялъ почти пустой,—доходовъ не приносилъ, а Викторія была переполнена состоятельными

иностранцами, процвѣтая болѣе, чѣмъ когда либо. Нужно было переманить вѣрныхъ плательщиковъ, а потому «преданные друзья» и вспомнили о насъ.

Не долго думая, я тутъ-же холодно, но изысканно учтиво отвѣтилъ г-жѣ Риттеръ, что чрезвычайно тронуть ея любезностью, по самымъ рѣшительнымъ образомъ отказываюсь отъ предложенія переѣхать къ нимъ, такъ какъ считалъ бы такой поступокъ недостойнымъ порядочнаго человѣка въ отношеніи гостепріимныхъ нашихъ нынѣшнихъ хозяевъ, которые, не зная меня вовсе, съ перваго же слова открыли мнѣ неограниченный кредитъ, стараясь угодить какъ только можно.

За обѣдомъ я узналъ, что г-жа Риттеръ утромъ посѣтила супруговъ М. сдѣлавъ имъ такое же предложеніе въ самой настойчивой формѣ. Не ограничиваясь этимъ она, вечеромъ, прибыла вторично, чтобы уговорить семейство Н. П. К. Всѣ ея старанія однако не увѣнчались успѣхомъ и даже супруги М., связанные, съ Риттерами прежними добрыми отношеніями, ей отказали.

НОВЫЯ ОСЛОЖНЕНІЯ.

Такъ мы благополучно прожили двѣ недѣли, пользуясь относительнымъ отдыхомъ и спокойствіемъ, если не считать, чуть ли не ежедневный, наводящій глубокое уныніе, колокольный звонъ, долженствовавшій оповѣстить гомбургское населеніе о все новыхъ и новыхъ побѣдахъ германцевъ, то на западномъ, то на восточномъ фронтахъ. Всѣ улицы, вслѣдъ за тѣмъ, украшались національными флагами и городъ оглашался безконечными криками восторга и пѣніемъ «фатерлянда» до поздней ночи.

Въ такихъ случаяхъ, служившій за нашимъ столомъ во время завтрака и обѣда лакей (французъ), видя наши озабоченныя лица неизмѣнно, подавая блюда, шепталъ:

«Ne vous faites donc pas de bile, monsieur, c'est des blagues tous ces rancantars des boches. J'ai des nouvelles certaines,—y a pas de victoires».

Эти слова, трудно переводимыя на русскій языкъ, означали: «Не злитесь, баринъ, это враки всѣ эти розсказни колбасниковъ. У меня вѣрные свѣдѣнія, никакихъ нѣтъ побѣдъ».

Другой кельнеръ, итальянецъ, по утрамъ приносившій мнѣ кофе въ мою комнату, на вопросъ, что это за звонъ, покатываясь со смѣху, на ломанномъ французскомъ языкѣ давалъ понять, что причина колокольнаго звона призывъ молящихся католическимъ духовенствомъ по случаю смерти папы, а нѣмцы, не понявъ въ чемъ дѣло, рѣшили, что это «una vittoria»—(побѣда) и подняли трезвонъ на всѣхъ своихъ киркахъ. Слова эти оказались вѣрными,—вскорѣ настала мертвая тишина, прерываемая только однотоннымъ, печальнымъ звукомъ далекаго колокола, а вывѣшенные пестрые флаги быстро были убраны.

Немалую радость доставило мнѣ сообщеніе Шика, что багажъ мой имъ разысканъ и вѣроятно уже прибылъ на товарную станцію. Согласно его совѣту я выдалъ ему соотвѣтствующіе ключи и предоставилъ въ его распоряженіе нашего крайне услужливаго и ловкаго гаусдинера. Я глазамъ своимъ не вѣрилъ, когда часъ спустя, выглянувъ изъ окна своей комнаты, я вдругъ увидѣлъ его у подъѣзда нашей виллы, осторожно снимающая съ ручной телѣжки знакомый мнѣ

сундукъ и шляпникъ. Я былъ внѣ себя отъ восторга. Какое счастье! Наконецъ то я могъ сбросить съ себя, пыльный, закопченный дорожный костюмъ, не покидающій меня уже около трехъ недѣль и, послѣ ванны, одѣться во все чистое.

Направляясь передъ завтракомъ черезъ садъ въ столовую и увидавъ мое радостное лицо и опрятный костюмъ, всѣ знакомые, понявъ причину моего веселаго настроенія, съ искреннимъ участіемъ пожали мнѣ руку и разспросамъ, какъ я ухитрился получить свои вещи, конечно, не была конца.

Въ числѣ знакомыхъ, я между прочимъ, встрѣтилъ г-жу В. Семья ея состояла изъ больной старушки матери, — г-жи З., и сына, молодого человѣка лѣтъ 17-ти, котораго, какъ годнаго къ военной службѣ, чуть было не посадили въ тюрьму. Бабушка и мать обожали этого молодого человѣка и ужасно беспокоились о его дальнѣйшей судьбѣ. Рядомъ съ г-жей В. я къ немалому своему удивленію увидалъ д-ра Нордена, котораго я совершенно потерялъ изъ виду со дня его неумѣстнаго замѣчанія у воротъ гостиницы «Августа», въ ми-

нута отъѣзда на вокзалъ и неудачной поѣздки въ Франкфуртъ. Увидавъ меня, онъ презрительно улыбнулся и отвернулъ голову. Я почувствовалъ, какъ сердце злобно заколотилось и, не помня себя, я подошелъ къ нему, спросивъ:

«Sie erkennen mich wohl nicht mehr weil ich Russe bin? Ja, ich bin Russe und stolz ein Russe zu sein».

(Вы вѣроятно меня больше не узнаете потому, что я русскій? Да, я русскій и горжусь тѣмъ, что я русскій).

Онъ поспѣшно снялъ шляпу промолвивъ:

«Entschuldigen Sie, Herr Graf, ich hatte Sie nicht gesehen».

(«Извините графъ, я васъ не видѣлъ»).

Не отвѣчая на его привѣтствія, я отвѣтилъ:

«Ich brauche Ihre Entschuldigungen nicht».

(«Я не нуждаюсь въ вашихъ извиненіяхъ») и отвернулся отъ него.

Когда онъ направился къ выходу, г-жа В. взволнованно подошла ко мнѣ, сказавъ:

— «Графъ, вы знаете этого господина?»

— «Какъ мнѣ не знать, вѣдь я въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ пользовался медицинскою его помощью. Это докторъ Норденъ», отвѣтилъ я.

— «Какой это ужасный, жестокой человѣкъ»,—съ прерывающимся голосомъ шепнула г-жа В.

— «Пріѣхавъ сюда въ началѣ іюля, мы, по совѣту знакомыхъ, обратились къ нему. Послѣ сегодняшняго посѣщенія, провожая Нордена, я его попросила быть столь добрымъ и позволить мнѣ выслать ему гонораръ за его визиты по возвращеніи въ Россію, т. к., не получая денегъ по аккредитиву, лишена всякихъ средствъ. Знаете ли Вы, что онъ мнѣ на это отвѣтилъ? Онъ оглянулъ меня сверху до низу и увидавъ мои серьги, которыя составляютъ для меня дорогую память, отвѣтилъ:

«Aber Sie haben ja so schöne Brillant-Ohringe. Die können Sie ja verkaufen oder versetzen, dann werden Sie wohl Geld genug haben um mich zu bezahlen».

(«Но вѣдь у васъ такія чудныя брилліантовыя серьги. Вы можете ихъ продать или заложить и тогда у васъ, вѣроятно, хватитъ денегъ, чтобы мнѣ заплатить»).

Я пришелъ въ ужасъ отъ всего мною услышаннаго, т. к. признаюсь, не допускалъ возможности, чтобы человѣкъ, сколько нибудь порядочный, могъ дойти до такой низости.

Вторая недѣля нашего пребыванія въ отелѣ «Викторія» подходила къ концу. Была уже суббота 9 (22) августа, а передъ нами по прежнему разстилалась полная неизвѣстность, такъ какъ всѣ переговоры съ Испанскимъ консуломъ во Франкфуртѣ и письма и телеграммы, полученныя въ отвѣтъ на мои, отъ Испанскаго посла въ Берлинѣ, никакихъ существенныхъ результатовъ намъ не приносили.

И такъ, въ субботу, послѣ обѣда, мы какъ всегда собрались въ большомъ холлѣ, помѣщающемся противъ столовой и выходящемъ, какъ и она, прямо въ садъ. Кто распивалъ кофе, кто игралъ въ бриджъ, а большинство сидѣло группами, причемъ разговоры, конечно, вертѣлись вокругъ все того же томящаго насъ вопроса, позволятъ ли намъ наконецъ уѣхать и куда? Въ это время, было часовъ 9 вечера, вдругъ раздались какіе то неистовые крики, со стороны улицы. Я невольно вскочилъ со своего мѣста и

выбѣжалъ изъ сада къ открытымъ настежъ воротамъ, выходящимъ на Луизенштрассе. На улицѣ творилось нѣчто невообразимое. Сотни озлобленныхъ рабочихъ, женщинъ и дѣтей, съ поднятыми кулаками грозили гостиницѣ. Крики: «Уберите этихъ проклятыхъ французовъ, уберите подлыхъ иностранцевъ» гуломъ носились по улицѣ. Два полицейскихъ тщетно старались удерживать наступающую на нихъ и на гостиницу толпу, но дѣлали это такъ неловко, бережно и нерѣшительно, что я, въ качествѣ стараго администратора, невольно подумалъ, что власти сочувственно относятся къ этому бунту и только дѣлають видъ, что ставятъ ему преграды. Толпа очевидно пришла къ тому же заключенію и видя, что никого не арестовываютъ и полиція никакихъ энергичныхъ мѣръ не принимаетъ,—окончательно обнаглѣла. Кто то изъ мальчишекъ поднялъ попавшійся ему подъ руку камень и пустилъ его въ одно изъ зеркальных оконъ гостиницы. Моментально нашлись подражатели и черезъ минуту звонъ разбитаго стекла, сопровождаемый радостными криками, смѣшался въ одинъ общій шумъ. Въ это

время я услыхалъ за собою голосъ г-жи Бэль, сдержанно отдавшей прислугѣ какое-то приказаніе:

«Au nom de Dieu faites fermer la porte cochère, Sie non toute cette canaille finira par prendre l'hôtel d'assaut».

(«Ради Бога прикажите закрыть ворота, иначе гостиница будетъ штурмомъ взята этимъ сбродомъ») обратился я къ ней. Она одобрительно кивнула мнѣ головой, но какъ только ворота были закрыты и мы вновь подошли къ нимъ, здоровенный булыжникъ полетѣлъ прямо въ насъ. Къ нашему счастью зеркальное окно двустворчатыхъ воротъ съ внутренней стороны было украшено, или вѣрнѣе, ограждено, красивою чугуною рѣшеткою, которая и спасла насъ отъ тяжелыхъ послѣдствій нашей неосторожности.

Г-жа Бэль, проявлявшая все время удивительное наружное спокойствіе и энергію, тутъ же протелефонировала мѣстнымъ военнымъ и полицейскимъ властямъ и черезъ часъ другой наступило сравнительное спокойствіе.

Желая по возможности уяснить себѣ причину этого возмутительнаго уличнаго

безчинства, я долго еще бесѣдовалъ съ нашими несчастными хозяевами, супругами Бэль. Оказалось, что толпа требовала немедленнаго увольненія служащихъ въ отелѣ иностранцевъ, которые были опредѣлены на разныя должности, не только съ разрѣшенія, но частью даже по просьбѣ мѣстнаго начальства, находившаго, что кормить и содержать плѣнныхъ за счетъ казны,—хотя бы и въ тюрьмѣ, крайне невыгодно. Супруги Бэль охотно согласились взять ихъ къ себѣ на службу, тѣмъ болѣе, что въ виду военнаго призыва найти необходимое число кельнеровъ было невозможно, а безмозглая толпа, не взирая на все это, требовала замѣны иностранцевъ нѣмцами.

Было уже поздно, когда мы разошлись по своимъ комнатамъ; я случайно вспомнилъ, что слѣдующій день воскресный и мнѣ невольно стало жутко, т. к. давно замѣтилъ, что въ праздники Гомбургъ всегда посѣщался многочисленнымъ полупьянымъ рабочимъ людомъ, легко поддающемуся дурному вліянію злонамѣренныхъ людей.

Большинство жителей «Викторіи» не раздѣляло моихъ опасеній, указывая на

то, что военное и полицейское начальство несомнѣнно приметъ необходимыя мѣры, чтобы предупредить возможность повторенія только что происшедшихъ уличныхъ беспорядковъ.

Мое предчувствіе, къ сожалѣнію, меня, однако, не обмануло. Слѣдующій день,—воскресенье, 10 (23) августа, прошелъ сравнительно спокойно, хотя наплывъ рабочихъ съ ранняго утра значительно возросъ и пѣніе и крики все время раздавались въ разныхъ концахъ города. Но послѣ 9 час. вечера, казавшееся намъ мирнымъ, настроеніе народа рѣзко измѣнилось. Громадная толпа, несомнѣнно принадлежащая къ поддонкамъ населенія и явившаяся какъ бы по командѣ изъ всѣхъ ближайшихъ окрестностей, сразу запрудила всю Луизенштрассе скапливаясь главнымъ образомъ передъ нашей гостиницей. Угрозы по адресу служащихъ-иностранцевъ чередовались съ негодующими, озлобленными возгласами по адресу супруговъ Баль, «этихъ подлыхъ эльзасцевъ», (онъ дѣйствительно родомъ изъ Эльзаса, она, изъ франц. Швейцаріи), которые, потворствуя иностранцамъ, отнимаютъ хлѣбъ у

честныхъ, преданныхъ своему долгу нѣмцевъ. Вновь полетѣли камни, но на этотъ разъ они градомъ посыпались во все окна нижняго и верхняго этажей и ежеминутно можно было ожидать, что озлобленная толпа яростно бросится на закрытыя ворота, чтобы бѣшеннымъ натискомъ проложить себѣ дорогу въ садъ, а затѣмъ и въ занимаемые нами помѣщенія гостиницы.

Окончательно растерявшаяся полиція, не зная какъ ей поступить, громко отдавала приказанія о немедленномъ вызовѣ пожарной команды, но приказаніе это было встрѣчено всеобщимъ хохотомъ и криками:

«Попробуйте, мы сейчасъ же перерѣжемъ все рукава».

Въ эту критическую минуту, на помощь полиціи появилась военная власть въ лицѣ начальника гарнизона фонъ-Мака, какого-то офицера и пяти—шести полувоенныхъ милиціонеровъ. «Грозная» сила эта не произвела однако же на бунтовщиковъ того ошеломляющаго впечатлѣнія, котораго начальство ожидало. Крики, площадная ругань и угрозы продолжались по прежнему. Несчастные

обитатели «Викторіи», становились все угрюмѣе, а бѣдныя женщины и дѣти, скрываясь въ темномъ саду, съ истерическимъ плачемъ прижимались другъ къ другу, переживая весь ужасъ разыгрывающейся драмы.

«Военная власть», чувствуя на подобіе «гражданской» свое полное нравственное безсиліе и опасаясь навлечь на себя «народный гнѣвъ», наконецъ, рѣшилась пойти на компромисъ. Подчиняясь волѣ толпы, начальникъ гарнизона заявилъ, что онъ даетъ бунтовщикамъ честное слово, немедленно приступить къ аресту всѣхъ служащихъ въ отелѣ французовъ и тутъ же отправить ихъ въ тюрьму. Никто изъ участниковъ безпорядка наказанію не подвергнется. Взамѣнъ, фонъ-Макъ проситъ ихъ только объ одномъ, чтобы они мирно разошлись, когда убѣдятся, что онъ исполнилъ данное имъ обѣщаніе.

Послѣ нѣкотораго колебанія, бунтовщики выразили свое согласіе, но съ условіемъ, чтобы арестъ иностранцевъ происходилъ въ присутствіи уполномоченныхъ отъ толпы. Власти и на это согласились, а вслѣдъ затѣмъ, офицеръ

прибывшій съ фонъ-Макомъ, въ сопровожденіи 3-хъ или 4-хъ уполномоченныхъ съ чувствомъ величаваго достоинства, присущаго всѣмъ военнымъ въ Германіи, медленно вошелъ въ садъ.

Розыскавъ беззащитныхъ, несчастныхъ французовъ, въ числѣ 4—6 человекъ, они храбро окружили ихъ, повели въ конецъ сада къ воротамъ, выходящимъ на противоположную, параллельную съ Луизенштрассе пустынную улицу, посадили на заготовленные военные автомобили и увезли въ тюрьму. Уполномоченные отъ буяновъ тутъ же вернулись къ нимъ, чтобы доложить своимъ довѣрителямъ о происшедшемъ и толпа, достигнувъ своего, не торопясь, по немногу, стала расходиться.

Жители гостиницы «Викторія» облегченно вздохнули. Спрятавшуюся дѣтвору по немногу розыскали, а я въ тяжеломъ раздумьи направился въ свою комнату, подавленный сознаніемъ своего умственного безсилія, не дающаго мнѣ возможности понять и оцѣнить по достоинству всю глубину мудрыхъ распоряженій германскихъ властей. Уже лежа въ постели, я вновь увидѣлъ передъ собою нѣмец-

кихъ сверхъ-администраторовъ, такъ грубо обращающихся съ нами, но безропотно подчиняющихся наглýmъ требованіямъ бунтующей черни, входящихъ съ нею въ недостойные сильной власти переговоры и не сумѣвшихъ отстоять несчастныхъ французовъ, опредѣленныхъ въ отель на службу по требованію той же администраціи. Было уже около 2 ч. ночи, я только что собирался потушить электрическую лампочку, стоявшую на моемъ ночномъ столикѣ, когда странные короткіе удары, раздавшіеся въ моей комнатѣ, сразу привлекли мое вниманіе. Въ это же время кто то постучался въ дверь. На мой вопросъ «кто тамъ», я услыхалъ испуганный женскій голосъ, который я немедленно узналъ. Я наскоро набросилъ свой утренній костюмъ, надѣлъ туфли на босую ногу и открылъ дверь.

Передо мною стояла вся блѣдная и взволнованная падчерица Н. П. К. и, указывая на мое окно, гдѣ деревянныя жалюзи къ счастью были спущены, шепотомъ произнесла: «Вы слышите? Это камни летятъ. У насъ то же самое. Ради Бога сойдите къ намъ, нужно посовѣто-

ваться. Во всей виллѣ, кромѣ насъ никого нѣтъ, позвать некого, телефонъ не дѣйствуетъ». Мы мигомъ спустились внизъ. Обмѣнявшись нѣсколькими словами съ Н. П. К., мы быстро направились черезъ темный садъ къ главному зданію гостиницы, чтобы оттуда потребовать помощь полиціи, но пока мы шли, камни все время преслѣдовали насъ.

Съ трудомъ намъ удалось добиться запасного гаусдинера, который, не зная что дѣлать и какъ помочь, наконецъ пошелъ докладывать о случившемся хозяевамъ. Черезъ минуту г-жа Бэль, накинувъ на себя легкій ночной капотъ, уже вышла къ намъ. Н. П. К., боясь за свою семью возвратился въ нашу виллу, а г-жа Бэль, тутъ же, при мнѣ, усиленно стала телефонировать въ полицейскую контору, гдѣ ей обѣщали немедленно прислать агента.

Желая возвратиться въ свою комнату, я простился съ нею, но несмотря на мои протесты, хозяйка рѣшительно заявила, что пойдетъ со мною, такъ какъ хочетъ проводить меня и лично убѣдигся въ томъ, что именно происходитъ близъ нашей виллы. Подойдя къ рѣшеткѣ, отдѣ-

ляющей садъ отъ пустынной улицы противоположной Луизенштрассе, мы увидали быстро подходящаго къ намъ полицейскаго и одновременно какихъ то убѣгающихъ негодяевъ, очевидно занимавшихся метаніемъ камней. Весь садъ былъ усыпанъ ими, въ особенности пострадала сосѣдняя вилла, гдѣ проживалъ «Святой Филиппъ» (Ф. А. И.) со своею семьею и гдѣ камни долетали до дѣтскихъ кроватей. Пришлось ночью перевести бѣдныхъ ребятишекъ въ заднюю комнату.

Вставъ довольно рано, Н. П. К. зашелъ въ мою комнату и уговорилъ меня пойти съ нимъ и Ф. А. И. къ фонъ-Маку, чтобы выяснить ему наше положеніе и просить его оградить насъ на будущее время отъ дальнѣйшихъ безобразій уличной толпы.

Фонъ-Макъ оказался угрюмымъ, не словоохотливымъ и очень озабоченнымъ. Меня потомъ увѣряли, что ему здорово досталось отъ Франкфуртскаго General-Kommando «за проявленную нераспорядительность». Намъ онъ почти не отвѣчалъ, а лишь совѣтовалъ выбратъся изъ отеля «Викторія», за цѣлость котораго

не отвѣчаетъ, и перебраться въ другую гостиницу.

Возвращаясь домой и проходя мимо знакомыхъ мнѣ магазиновъ, хозяева, а въ особенности хозяйки ихъ, поминутно останавливали меня и съ нескрываемымъ отвращеніемъ стали говорить о безобразномъ поведеніи толпы, обвиняя не столько ее, сколько содержателей гостиницъ, во главѣ съ молодыми Риттерами, которые въ качествѣ конкурентовъ, изъ зависти къ супругамъ Баль, подучивали вожakovъ толпы громить «Викторію». То же самое намъ сообщили и наши хозяева, умоляя насъ, въ виду отказа мѣстной власти оградить живущихъ у нихъ иностранцевъ отъ опасности—переехать въ возможно скоромъ времени въ другую гостиницу. Сами же они, сознавая полную свою беззащитность, заявили, что принуждены закрыть свой отель.

Наше маленькое общество долго совѣщалось по этому поводу. Всѣ были въ отчаяніи, что приходится разставаться съ милыми, гостепріимными нашими хозяевами, а вопросъ, куда переехать, гдѣ поселиться,—грозно стоялъ передъ нами. Отвратительной памяти Hôtel Augusta

никого не прельщаль, Grand Hôtel уже нѣсколько дней тому назадъ закрылся, забираться въ санаторію никому не хотѣлось, и такъ какъ ничего подходящаго, кромѣ Паркъ-Отеля не оказывалось и выбора не было, то мы, послѣ долгаго колебанія, съ грустью рѣшили перебраться къ Риттерамъ.

Мы сердечно, точно со старыми друзьями, простились съ супругами Баль. Денегъ отъ насъ не потребовали, мы только подписывали свои счета, но я въ душѣ своей далъ зарокъ уплатить свой долгъ при первой же возможности. Бѣдная г-жа Баль, опасаясь за жизнь мужа, въ тотъ же вечеръ упросила его уѣхать къ ея роднымъ въ Швейцарію, а сама, со свойственной этой женщинѣ поразительной храбростью, осталась въ Гомбургѣ, чтобы убрать отель и привести дѣла въ порядокъ. Въ теченіе послѣдующихъ четырехъ—пяти недѣль подневольнаго пребыванія моего въ Гомбургѣ я ее раза два посѣтилъ и всегда невольно восхищался ея необычайнымъ спокойствіемъ.

ОПЯТЬ ПАРКЪ-ОТЕЛЬ.

Я не нахожу словъ, чтобы описать то чувство давящей тоски, которое мною овладѣло, когда я вновь очутился подъ кровлей Паркъ-Отеля. Вывѣшанная въ холлѣ карта военныхъ дѣйствій съ воткнутыми бумажными германскими флажками, указывающими уже пройденный побѣдоносными нѣмецкими войсками путь, чуть ли не отъ Парижа до Москвы и Петрограда, назойливое приставаніе супруговъ Риттеръ, низкопоклонство Гассана, величественный видъ австрійскаго дворецкаго, все это дѣйствовало на нервы и приводило меня въ состояніе безсильнаго бѣшенства.

Нѣмецкія газеты попрежнему были переполнены лживыми телеграммами о все новыхъ и новыхъ побѣдахъ доблестной германской арміи, а отсутствіе какихъ бы то ни было иностранныхъ газетъ и невозможность сличить сообщаемыя нѣмцами свѣдѣнія со свѣдѣніями, исходящими изъ русской, французской или англійской прессы, являлось невыразимо тяжелымъ испытаніемъ.

Въ подобныя минуты Ф. А. И. являлся для меня въ полномъ смыслѣ слова

«Святымъ Филиппомъ». Онъ и генераль И., человекъ уже пожилой, болѣзненный, подвергавшійся передъ самымъ началомъ войны серьезной операціи во Франкфуртѣ, но сохранившій всю свою энергію, ухитрились какими-то таинственными путями доставать иногда итальянскую газету «*Corriere della Sera*». Въ эти счастливые дни они всегда приглашали меня въ свою виллу, носившую названіе «*Church Villa*», но со дня объявленія Англіею войны Германіи слово «*Church*» («Церковь»), кака оскрбляющее тевтонскій партіотизмъ, было замазано.

Сидя передъ картой и читая итальянскую газету, мы тутъ спокойно могли сопоставить германскую ложь съ дѣйствительностью и уяснить себѣ истинное положеніе на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Наше положеніе тѣмъ не менѣе становилось все болѣе и болѣе трагичнымъ. Не говоря уже о томъ, что всякое передвиженіе строжайше было запрещено, что даже поѣздки во Франкфуртъ для свиданія съ испанскимъ консуломъ допускались лишь съ письменнаго каждый разъ разрѣшенія «гарнизоннаго начальства», но придирчивость мѣстныхъ вла-

стей дошла до того, что спустя два или три дня послѣ переѣзда нашего въ Паркъ-Отель, намъ объявили, что всѣ обитатели гостиницы, съ 6 час. вечера и впредь до дальнѣйшихъ приказаній, подвергаются домашнему аресту.

Необычайное распоряженіе, это, конечно, вызвало не малый переполохъ между нами. Нашлись пессимисты, которые увѣряли, что это только начало, и что насъ затѣмъ всѣхъ вышлютъ изъ Гомбурга, а куда—неизвѣстно.

Вопросъ, наконецъ, выяснился. Оказалось, что вечеромъ этого дня должна была прибыть императрица Августа для осмотра мѣстныхъ лазаретовъ. Опасаясь, что встрѣча съ кѣмъ-либо изъ насъ могла бы оскорбить взоры ея величества, насъ въ теченіе трехъ дней держали взаперти, не позволяя даже подойти къ окнамъ, а тѣмъ болѣе открывать ихъ.

Итакъ злосчастные «Kurgäste» (курортные гости), давно уже лишённые возможности лѣчиться, теперь даже не имѣли права пользоваться свѣжимъ воздухомъ въ паркѣ, расположенномъ къ тому же вдали отъ замка,—временнаго мѣстопробыванія императрицы. А между

тѣмъ, стоило только вывѣсить аншлаги съ указаніемъ, что иностранцамъ доступъ въ извѣстный участокъ города возвращается, и можно было быть увѣреннымъ, что ни одинъ изъ нихъ не перешагнетъ черту указаннаго мѣста. Но нѣмецкіе администраторы до подобной хитрости не додумались, или вѣрнѣе, рады были представившемуся случаю, чтобы лишній разъ поиздѣваться надъ нами.

Нѣсколько дней спустя намъ сообщили, что всѣмъ подданнымъ воюющихъ съ Германіей державъ будетъ дано разрѣшеніе на выѣздъ и что необходимый на сей предметъ документъ безотлагательно можно получить у коменданта гарнизона г. фонъ-Мака. Узнавъ объ этомъ, не помня себя отъ счастья, мы съ Н. П. К. немедленно заручились необходимымъ письменнымъ разрѣшеніемъ и тутъ же занялись укладкой нашихъ вещей, рѣшивъ выѣхать изъ Гомбурга на другой же день.

Но каковъ былъ мой ужасъ, когда, заканчивая свой утренній туалетъ, я услыхалъ, что кто-то входитъ ко мнѣ, и увидалъ предъ собою встревоженного и блѣднаго Н. П. К. Съ прерывающимся

отъ волненія голосомъ онъ сообщилъ, что согласно только что разосланному полиціею объявленію, выданныя намъ вчера на выѣздъ разрѣшенія не дѣйствительны, а потому и подлежатъ немедленному возвращенію. Я вѣрить не хотѣлъ и тутъ же предложилъ Н. П. поѣхать къ фонъ-Маку. Доступа къ нему мы не получили, такъ какъ стоявшіе у наглухо закрытыхъ воротъ его дома два добровольца намъ объявили, что г. фонъ-Макъ въ отсутствіи, но выданныя намъ наканунѣ разрѣшенія, какъ недѣйствительныя тутъ же были отобраны.

Описывать то, что мы перечувствовали, я не стану. Лишь тотъ, кто испыталъ весь ужасъ германскихъ издѣвательствъ и непосильную тяжесть жестокихъ разочарованій послѣ ряда торжественныхъ обѣщаній близкаго освобожденія изъ плѣна, лишь тотъ, кто испыталъ мучительную отчужденность отъ далекой родины, а въ связи съ этимъ непроницаемую тьму, окружающую судьбу родныхъ и близкихъ, лишь тотъ, кто испыталъ нестерпимыя нравственныя страданія при наступленіи нескончаемыхъ безсонныхъ ночей, — лишь тотъ

можетъ уяснить себѣ душевное наше состояніе.

Въ такіе дни меня всегда съ неотразимой силой влекло въ нашу близлежащую изящную маленькую церковь, въ созиданіи которой, много лѣтъ тому назадъ, всѣ русскіе приняли участіе. Церковь наглухо была заперта, такъ какъ со дня объявленія войны служба въ ней по распоряженію мѣстныхъ властей не допускалась, но при содѣйствіи услужливаго, давно мнѣ извѣстнаго церковнаго сторожа, я всегда имѣлъ возможность заpastись у него свѣчами и проникнуть въ нее. Послѣ горячей молитвы передъ образомъ Царицы Небесной я каждый разъ выходилъ изъ церкви душевно спокойный, твердо вѣря въ безконечную милость Всевышняго, Который меня не оставитъ.

Не могу по этому поводу не припомнить случай, возмутившій меня до слезъ души.

Подходя какъ-то къ нашей церкви и не находя сторожа, я въ поискахъ за нимъ обошелъ ее кругомъ. Неожиданная картина вдругъ предстала предо мною. Нѣсколько мальчишекъ, напаяливъ на

себя нѣчто въ родѣ военной формы, махая игрушечными саблями, яростно швыряли камнями въ большое окно церкви съ изображеніемъ лика Христа, сдѣланномъ изъ стеклянной мозаики. Я съ негодованіемъ набросился на нихъ и крѣпко ударивъ одно изъ хулигановъ, крикнулъ:

— «Что вы дѣлаете, мерзавцы? Развѣ вы не видите, что это Божій домъ, такой же Божій домъ, какъ и ваша кирка? Богъ—одинъ и Онъ васъ за такое богохульство покараетъ».

Вся эта банда, взглянувъ на мое искаженное отъ злобы лицо, съ ужасомъ разбѣжалась, а сидящіе кругомъ на скамейкахъ взрослые молча переглянулись, къ великому моему удивленію не сдѣлавъ ни одного замѣчанія.

Подобный же случай повторился недѣли двѣ спустя. Выходя изъ виллы, помѣщающейся на «Площади Фердинанда» («Ferdinandplatz»), гдѣ проживалъ Ф. А. И., я замѣтилъ кучку дѣтей, играющихъ «въ войну». Они съ дикими возгласами преслѣдовали, держа въ рукахъ палки и лопаты, невидимаго «врага», прячущагося въ густой поросли

давно уже завядшихъ растеній разбросанныхъ здѣсь цвѣтниковъ.

На мой вопросъ, въ чемъ дѣло, я отвѣта не получилъ, но преслѣдованіе «врага» съ удвоенной силой и храбростью продолжалось. Подойдя ближе, я, наконецъ, увидалъ прелестнаго маленькаго хорька, повидимому, уже полуживого отъ полученныхъ ударовъ и жалобно смотрѣвшаго на меня. Въ эту минуту «начальникъ отряда», мальчикъ лѣтъ четырнадцати, украшенный игрушечнымъ орденomъ «железнаго креста» и бумажнымъ киверомъ, хотѣлъ ударить бѣднаго звѣрька. Къ счастью, я во время вырвалъ у него «смертоносное оружіе», тутъ же отодралъ его за уши и, сказавъ ему крѣпкое слово, приказалъ дѣтямъ разойтись. Они послѣ нѣкотораго колебанія разошлись, а я остался на мѣстѣ, пока не убѣдился, что бѣдный хорекъ, набравъ силъ, благополучно спрятался въ ближайшемъ саду.

Приведенныя мною картинки «семейной жизни культуртрегеровъ» наглядно подтверждаютъ мнѣніе, высказанное въ Германіи нѣсколько лѣтъ тому назадъ однимъ ученымъ нѣмцемъ, что религіоз-

ное чувство въ Германіи съ каждымъ днемъ падаетъ все ниже и ниже. Лютеранскія кирки въ праздничные дни наполовину пустыютъ, вѣра въ Бога угасаетъ, а жестокость и издѣвательство надъ слабыми и беззащитными сознательно прививается дѣтямъ съ самаго ранняго возраста.

Слухи о выселеніи русскихъ изъ Германіи тѣмъ временемъ вновь усиленно стали распространяться между нами. Не проходило дня, чтобы кто-либо изъ знакомыхъ не увѣрялъ, что ему изъ вполне достовѣрнаго источника извѣстно что нашему пребыванію въ Германіи въ ближайшемъ уже будущемъ настанетъ конецъ. Вновь полетѣли письма и телеграммы съ запросами въ разныя стороны, и я лично писалъ и телеграфировалъ испанскому послу въ Берлинъ маркизу Поло де-Бернабе (Polo de Bernabe), чуть ли не черезъ день. Отвѣты его, и и притомъ въ самой учливой формѣ, не заставляли себя ждать, но содержаніе ихъ неукоснительно сводилось къ одному и тому же припѣву: «надѣюсь что разрѣшеніе на выѣздъ послѣдуетъ въ ближайшемъ времени». Дѣло однако не

подвигалось, и срокъ нашего отъѣзда попрежнему оставался не выясненнымъ.

Желая положить конецъ этому невыносимому положенію, я рѣшился, предварительно заручившись необходимымъ со стороны полиціи позволеніемъ, съѣздить въ «General Kommando» во Франкфуртъ, чтобы лично повидаться съ начальникомъ штаба XVIII корпуса, генераломъ фонъ Граафъ. Я тѣмъ болѣе считалъ себя въ правѣ обезпочить его, что, по-славъ ему болѣе недѣли тому назадъ заявленіе съ указаніемъ на болѣзненное состояніе жены, просилъ увѣдомить меня, могу ли я переселиться въ Копенгагенъ.

Въ отвѣтъ на это я за подписью фонъ Граафа получилъ официальную бумагу, за № 21350, гдѣ генералъ сообщалъ, «что онъ, къ сожалѣнію, пока еще не въ состояніи указать время, когда русскимъ подданнымъ мужского пола дано будетъ разрѣшеніе выѣхать изъ предѣловъ коммендатуры, но предоставляетъ мнѣ право справиться объ этомъ дней черезъ десять».

Садясь въ трамвай, направлявшійся во Франкфуртъ, на меня вдругъ напала такая то безотчетно тяжелая тоска. Пред-

стоящее объясненіе съ генераломъ представлялось мнѣ хотя и необходимымъ, но мало привлекательнымъ, такъ какъ фонъ Граафъ слылъ за формалиста, черствого, рѣзкаго и крайне непріятнаго человѣка и притомъ глубоко ненавидящаго Россію и русскихъ. Но жребій былъ брошенъ, и, прибывъ во Франкфуртъ, я рѣшительно усѣлся въ свободныя дрожки и приказалъ кучеру ѣхать въ комендатуру.

Ворота, ведущія во внутрь мрачнаго зданія, занимаемаго этимъ учрежденіемъ, были закрыты, и лишь послѣ продолжительныхъ звонковъ и постукиваній, продѣланная въ нихъ небольшая дверь едва замѣтно пріотворилась.

Узнавъ, что я желаю видѣть генерала фонъ Граафа, молодой человѣкъ въ военной формѣ, выглянувшій изъ двери, довольно рѣзко заявилъ, что его превосходительство никого не принимаетъ. Такой отвѣтъ меня, конечно, не удовлетворилъ, а потому, передавъ ему свою официальную визитную карточку, я не менѣе рѣзко замѣтилъ, что прошу не разсуждать, а немедленно подать ее генералу. Это, повидимому подѣйствовало.

Молодой человѣкъ безъ оглядки бросился на верхъ и черезъ минуту доложилъ, что меня просятъ. Я поднялся въ первый этажъ, гдѣ былъ встрѣченъ какимъ-то офицеромъ, отрекомендовавшимся адъютантомъ при начальникѣ штаба.

Послѣ нѣкотораго колебанія адъютантъ, наконецъ, рѣшился доложить обо мнѣ своему грозному начальнику и, спустя нѣкоторое время, меня до него допустили.

Войдя въ кабинетъ, я увидалъ передъ собою типичнаго самоувѣреннаго прусскаго военнаго. Когда я подошелъ къ письменному столу, покрытому бумагами, за которымъ генераль сидѣлъ, онъ привсталъ и, не предлагая мнѣ сѣсть, облокотясь лѣвой рукой объ столъ, вѣжливо, но болѣе чѣмъ сухо, спросилъ, что мнѣ угодно. Указавъ на бумагу, за № 21350, которую онъ мнѣ прислалъ, я вкратцѣ повторилъ ему сущность моего ходатайства, прося его сообщить, когда намъ, русскимъ, разрѣшено будетъ уѣхать на родину.

— «Число я въ точности опредѣлить не могу, но полагаю, что это будетъ въ скоромъ времени», — былъ отвѣтъ генерала.

Затѣмъ, помолчавъ минуту, прибавилъ.
— «Но я, къ сожалѣнію, долженъ огорчить васъ, графъ... Лично васъ едва ли выпустятъ».

Стараясь сохранить самообладаніе передъ этимъ напыщеннымъ, самодовольнымъ германцемъ, я возможно спокойно спросилъ:

— «А какая тому причина? Я, кажется, никакого преступленія не совершилъ».

— «Помилуйте, графъ, объ этомъ и рѣчи быть не можетъ, но... но вы занимаете такое высокое придворное положеніе при вашемъ Императорѣ... да вы кромѣ того еще и членъ Государственнаго Совѣта... нѣтъ, нѣтъ, это невозможно, вѣдь въ Россіи германскихъ подданныхъ, занимающихъ подобное вашему положеніе, тоже не выпускаютъ».

— «Между нами, ваше превосходительство, повидимому, недоразумѣніе», — возразилъ я. — «Быть можетъ, что до начала войны въ Россіи дѣйствительно и проживали высокопоставленные германскіе подданные, но въ настоящее время тамъ вѣроятно остались только всякаго рода торговцы, а первыхъ чиновъ двора,

генераль-адъютантовъ и членовъ рейхстага вы едва ли отыщете. Если они и были, чего я не знаю, то навѣрно давно уѣхали».

Вполнѣ сознавая, что дальнѣйшіе разговоры на эту тему бесполезны и не желая унижать себя, открывая этому горделивому человѣку все горе наболѣвшей души моей, я холодно поклонился и вышелъ изъ кабинета.

По возвращеніи въ Гомбургъ, я нашелъ у себя въ комнатѣ телеграмму, щедро вознаградившую меня за только что испытанное горе. Телеграмма эта, за подписью Торговаго банка (Handelsbank) въ Стокгольмѣ, начиналась словами: « По порученію изъ Петрограда » и сообщала, что вся моя семья здорова и благополучно проживаетъ въ нашемъ рязанскомъ имѣніи.

Вечеромъ того же дня почталіонъ неожиданно вручилъ мнѣ довольно крупную сумму, посланную мнѣ отъ имени того же банка. Очевидно, что семья моя, благодаря любезному содѣйствію А. В. Неклюдова, получала обо мнѣ извѣстія и, узнавъ о моемъ тяжеломъ матеріальномъ положеніи, приходила мнѣ на помощь.

Въ теченіе слѣдующей недѣли и вплоть до 1 (14) сентября ничего выдающегося не случилось. Всѣ какъ-то развинулись,—одни приуныли, другіе находились въ какомъ-то повышенномъ нервномъ настроеніи. Происходили ссоры, непріятности и я, въ концѣ концовъ, просиживалъ цѣлыми днями въ своей комнатѣ, избѣгая какихъ бы то ни было разговоровъ, а въ особенности встрѣчи съ ненавистной мнѣ г-жей Риттеръ, всегда одѣтой по праздничному и громко рассказывающей кому-нибудь въ холлѣ о нѣмецкихъ побѣдахъ.

Въ одинъ изъ этихъ дней, наскоро окончивъ свой завтракъ, я только что хотѣлъ подняться въ свою комнату когда молодой М. какъ-то нерѣшительно подошелъ ко мнѣ, сказавъ, что онъ желалъ бы ознакомить меня съ заявленіемъ, составленнымъ администраціей курорта, при чемъ старикъ Риттеръ очень меня проситъ подписать это заявленіе первымъ, если я только признаю это возможнымъ.

Я выразилъ согласіе ознакомиться съ этой бумагой, и не прошло и пяти минутъ, какъ отлучившійся куда-то М.

вернулся протягивая мнѣ какой-то, крупнымъ почеркомъ исписанный, листъ. Прочитавъ его, у меня сжало горло.

Подлинныя слова текста я, конечно, не сохранилъ въ своей памяти, но заявленіе это заключалось приблизительно въ слѣдующемъ:

«Мы нижеподписавшіеся симъ считаемъ долгомъ чести заявить, что во время пребыванія нашего въ Паркъ-Отелъ, дирекція гостиницы всемѣрно заботилась о нашемъ благополучіи, принимая всѣ зависящія отъ нея мѣры, чтобъ охранить нашъ покой и оградить насъ отъ какихъ бы то ни было непріятностей.

Мы, равнымъ образомъ, считаемъ долгомъ чести удостовѣрить, что во время пребыванія нашего въ Гомбургъ мы со стороны какъ военныхъ и гражданскихъ, такъ и со стороны курортныхъ властей неизмѣнно встрѣчали самое предупредительное и внимательное къ намъ отношеніе, о чемъ и вспоминаемъ съ чувствомъ глубокой благодарности».

Просмотрѣвъ еще разъ это возмутительно ложное заявленіе и чувствуя, какъ сердце злобно во мнѣ клокочетъ, я обратился къ молодому М., сказавъ:

— «Вы сами понимаете, что этого я никогда не подпишу. Думаю, что и никто изъ насъ на это не рѣшится».

Подозвавъ затѣмъ вертящагося тутъ же Гассана, я ему приказалъ доложить старику Риттеру, что я желаю его видѣть. Черезъ нѣсколько времени Гассанъ, приложивъ руку къ щекѣ и закрывъ свои черные глаза, вновь появился, подобострастно шепелявя:

«*Mossiou dort, dort. Recevra Mossiou les Conte pliou tard*». (Господинъ спитъ. Приметь графа позже).

— «Это что»?—закричалъ я на него. «Сейчасъ разбуди. Я ждать не привыкъ. Меня ждуть, а я ждать не стану».

Гассанъ мигомъ исчезъ и не прошло и минуты, какъ онъ, указывая на сосѣдную дверь, доложилъ, что старикъ Риттеръ меня проситъ зайти въ контору.

Войдя въ нее, я непріятно былъ пораженъ, увидавъ, кромѣ почтеннаго старика Риттера, развалившагося тутъ же въ креслѣ—сына его, вскочившаго со своего мѣста, увидавъ меня. Дѣлая видъ, что я его не замѣчаю, я протянулъ руку старику и, указавъ на полученное отъ М. заявленіе, сказалъ:

— «Мнѣ только что передали эту бумагу съ просьбою, отъ вашего имени, подписать ее. Думаю, что это шутка, такъ какъ подобное предложеніе вы серьезно едва ли могли мнѣ сдѣлать».

Старикъ Риттеръ, сконфуженно взглянувъ въ мою сторону, развелъ руками, а сынъ его, откинувшись въ креслѣ, нахальнымъ голосомъ вскрикнулъ:

— «Да отчего же?»

Не удостоивъ его взглядомъ, я вновь обратился къ старику и намѣренно подчеркивая всякое слово, не торопясь, прочелъ ему первую часть этого возмутительнаго литературнаго произведенія.

— «Итакъ,—сказалъ я,—«долгъ чести долженъ побудить насъ провозгласить явную ложь, удостовѣряя нашей подписью, что дирекція Паркъ-Отеля приняла всѣ зависящія отъ нея мѣры, чтобы охранять нашъ покой и оградить русскихъ отъ какихъ бы то ни было неприятностей. Но дирекція вѣроятно забыла, что она, не стѣсняясь, выкинула насъ на улицу и заставила переселиться въ «Августу», тогда какъ содержатели другихъ гостиницъ сумѣли отстоять своихъ жильцовъ. Въ качествѣ па-

тріота вы вѣроятно также поймете, какія чувства мы должны испытывать, ежедневно принудительно выслушивая ваши воинственные народные припѣвы, однако чья то жестокая рука умышленно заводитъ находящійся въ холлѣ музыкальный ящикъ, и нескончаемые звуки:

«Deutschland, Deutschland ueber alles, ueber alles in der Welt», а затѣмъ: «Lieb Vaterland kannst ruhig sein» цѣлыми днями, шумною волною льются по всей гостинницѣ.

Не менѣ оскорбительнымъ для насъ, русскихъ патриотовъ, является и вывѣшенная въ холлѣ карта, вся покрытая германскими флагами, вѣроятно только наугадъ воткнутыми, какъ на русской, такъ и на французской территоріяхъ. Впрочемъ, васъ, господинъ Риттеръ, я въ этомъ не виню. Вы всегда относились къ намъ безусловно корректно, никогда не позволяли себѣ непристойныхъ политическихъ вопросовъ или замѣчаній, и лично о васъ я сохраню на всегда самую добрую память.

Переходя къ второй части предлагаемаго намъ къ подписи заявленія, я

не могу не сказать, что признаю ее еще болѣе возмутительной. Мое неудавшееся путешествіе въ Берлинъ, унижительное обращеніе и арестъ въ Гиссенѣ, «увеселительная» поѣздка во Франкфуртъ и обратно сюда, никѣмъ не сдержанное народное волненіе, сопряженное битьемъ оконъ въ «Отель Викторія», домашній арестъ въ вашей гостиницѣ, по случаю прибытія императрицы Августы, нелѣпыя придирки военныхъ и полицейскихъ властей, требующихъ безусловнаго подчиненія подъ угрозою, что съ нами при малѣйшемъ ослушаніи поступятъ, какъ со шпионами,—все это никогда не изгладится изъ моей памяти. Неужели вы допускаете, что я всѣ эти мытарства скрою отъ своихъ соотечественниковъ, если Господь Богъ удостоитъ меня вернуться въ дорогую Родину. А по мнѣнію составителей этого гнуснаго заявленія, *долгъ чести* долженъ побудить насъ чуть ли не печатно восторженно отзываться о предупредительномъ отношеніи къ намъ властей и съ благодарностью вспоминать о нихъ. Простите меня, я этого не могу. Моя честь мнѣ дороже жизни, а какими глазами я взгляну

на моихъ соотечественниковъ, когда, подписавъ эту бумагу, они отъ меня же узнаютъ всю правду. Я лучше пулю себѣ пушу въ лобъ, чѣмъ подписать подобную бумагу».

Настала тягостная минута. Оба Риттера, опустивъ головы, угрюмо молчали. Опомнившись, старикъ, наконецъ, тихо проговорилъ:

— «Я васъ понимаю, графъ, но вы такъ мастерски владѣете языками, что быть можетъ не откажете исправить это заявленіе».

— «Извольте», — отвѣтилъ я, — «но предупреждаю, что если я его передѣлаю по своему, то заявленіе это свѣта никогда не увидить. Это будетъ обвинительный актъ противъ германскихъ властей, и вы самы не пожелаете опубликовать его. Но, довольно. Клянусь вамъ еще разъ, что я никакого заявленія не подпишу и увѣренъ, что всѣ мои соотечественники послѣдуютъ этому примѣру».

На этомъ тяжелый нашъ разговоръ оборвался, и я, наконецъ, вышелъ изъ конторы. Отыскавъ нашихъ соотечественниковъ, я вкратцѣ передалъ имъ

результатъ моего свиданія съ Риттерами, и всѣ тутъ же порѣшили, что никто подписи своей не дастъ.

Съ этого дня дальнѣйшее пребываніе въ Паркъ-Отелѣ стало для меня нестерпимой мукой. Я день и ночь мечталъ лишь объ одномъ,—выѣхать какъ можно скорѣе изъ этой гостиницы, переселиться куда угодно,—въ любую трущобу, но только не жить въ Паркъ-Отелѣ.

Нѣкто г. Б., русскій коммерсантъ, человѣкъ уже пожилой, нерѣдко посѣщавшій насъ по вечерамъ въ холлѣ вмѣстѣ съ своей тоже уже пожилой и очень симпатичной родственницей г-жей Г., съ большою похвалою отзывался о виллѣ «Henriette» («Генриетта»), гдѣ они проживали, убѣдительно совѣтуя мнѣ переселиться туда же. Дать свое согласіе на это предложеніе я однако не рѣшался, такъ какъ слухъ о предстоящемъ отъѣздѣ всѣхъ безъ исключенія русскихъ, перешедшихъ 45-лѣтній возрастъ, снова распространился между нами и притомъ вполне опредѣленно.

ЖЕСТОКОЕ РАЗОЧАРОВАНИЕ.

Не прошло и двухъ дней, какъ намъ дѣйствительно подали печатное объявленіе, въ которомъ значилось, что всѣ подданные иностранныхъ державъ, желающіе вернуться на родину, обязаны явиться со своими паспортами въ мѣстное полицейское управленіе.

Всѣ, конечно, поспѣшили исполнить это требованіе, а вслѣдъ затѣмъ мы, согласно указанію властей, направились въ билетную кассу «Кохъ и Лаутернъ», чтобы заказать нужные намъ билеты.

Билеты на руки намъ однако не выдавали, такъ какъ составленные полиціей списки, предварительно отсылались на разсмотрѣніе и утвержденіе «General Kommando» во Франкфуртѣ, и лишь по возвращеніи ихъ ландрату, сдѣланная имъ на паспортѣ отмѣтка давала намъ право на полученіе заказанныхъ билетовъ...

Давно жданный день, наконецъ, насталъ. Въ пятницу 5 (18) сентября, громадная толпа нервно настроенныхъ «плѣнныхъ», длинною вереницею потянулась въ такъ называемый «Landratsamt» (нѣчто въ родѣ губернскаго правленія),

мѣстопробываніе недавно назначеннаго новаго ландрата т. фонъ Бернусъ, замѣнившаго фонъ Маркса, получившаго, кажется, новое назначеніе.

Всѣ съ глубокимъ волненіемъ поглядывали на запертую дверь небольшой комнаты, куда мы, со своимъ паспортомъ въ рукахъ, по очереди должны были входить. Сидящій тамъ за письменнымъ столомъ молодой человѣкъ, просматривая лежащіе передъ нимъ списки лицъ, желающихъ уѣхать, въ зависимости отъ отмѣтки, сдѣланной General Kommando, во Франкфуртѣ, или ставилъ на паспортѣ штемпель и представлялъ его для окончательной подписи ландрату, или просто возвращалъ его просителю, заявляя, что выѣздъ не разрѣшается.

Пущенный, во время долгаго ожиданія нашего, кѣмъ-то слухъ, что многимъ изъ насъ не позволятъ уѣхать, при чемъ въ числѣ такихъ лицъ называли какъ меня, такъ и сенаторовъ П. и Г., до того меня разволновалъ, что, желая наконецъ, узнать свою судьбу, я при первой возможности, не ожидая очереди, вихремъ влетѣлъ со своимъ паспортомъ въ комнату маленькаго чиновника.

Спокойно просмотрѣвъ списокъ, чиновникъ этотъ еще спокойнѣе замѣтилъ:

— «Вамъ, графъ, отъѣздъ не разрѣшенъ».

— «Какъ не разрѣшенъ? Почему? Прошу васъ, немедленно доложите обо мнѣ ландрату».

Молодой человѣкъ въ недоумѣніи посмотрѣлъ на меня, сказавъ, что ландратъ никого не принимаетъ, но, послѣ нѣкотораго колебанія, рѣшился исполнить мою просьбу и, исчезнувъ въ смежной комнатѣ, вслѣдъ за тѣмъ заявилъ, что г-нъ фонъ Бернусъ меня просить.

Увидавъ меня при входѣ въ его кабинетъ и замѣтивъ, вѣроятно, мое блѣдное, взволнованное лицо, фонъ Бернусъ поспѣшно всталъ съ своего мѣста и, протянувъ мнѣ руку, съ участіемъ сказалъ:

— «Я понимаю, зачѣмъ вы пришли, графъ, но я, къ сожалѣнію, ничѣмъ помочь вамъ не могу,—все въ рукахъ генерала фонъ Граафа, который не считаетъ возможнымъ разрѣшать отъѣздъ на родину лицамъ, занимающимъ такое высокое служебное и придворное положеніе, какое занимаете вы, и еще нѣ-

которыя здѣсь живущія лица, въ томъ числѣ и г. г. сенаторы».

Съ трудомъ сдерживаясь, я замѣтилъ, что такое распоряженіе, очевидно, основано на предположеніи, что члены Государственнаго Совѣта и сенаторы принимаютъ участіе при разрѣшеніи вопросовъ международной политики, включая сюда и вопросъ о войнѣ и мирѣ. Между тѣмъ, законодательная дѣятельность Государственнаго Совѣта и Думы касается исключительно только вопросовъ внутренней законодательной жизни, а юрисдикція сенаторовъ, какъ членовъ высшей въ Имперіи судебной и административной власти, строго ограничивается предѣлами, установленными разборомъ этого рода дѣлъ.

— «Я больше ничего сказать вамъ не могу» — разводя руками, отвѣтилъ мой собесѣдникъ. — «Я безсиленъ помочь вамъ».

— «Въ такомъ случаѣ, разрѣшите мнѣ по крайней мѣрѣ переселиться въ Берлинъ, гдѣ мнѣ, быть можетъ, легче удастся получить просимое разрѣшеніе».

— «Извольте, подайте мнѣ письменное заявленіе, а тамъ увидимъ», — рѣшилъ

ландратъ.—«Только прошу васъ объ одномъ, графъ. Дайте мнѣ ваше честное слово, что вы, безъ разрѣшенія полиціи, никуда изъ Гомбурга даже въ близъ лежащій Франкфуртъ, не отлучитесь».

— «Даю вамъ слово», — былъ мой отвѣтъ.

Я уже хотѣлъ проститься съ нимъ, когда фонъ Бернусъ меня остановилъ.

— «Скажите, графъ», — спросилъ онъ, — «тутъ кажется проживаетъ еще одинъ членъ Государственнаго Совѣта, нѣкто И?»

Ужасъ напалъ на меня. Неужели нашего «святого» Филиппа, которому мы всѣ были обязаны, тоже не отпустить. Что сказать? Помоги мнѣ, Боже, мысленно взмолился я.

— «Да, господина И. я знаю», — отвѣтилъ я, — «но ручаюсь, что Государь Императоръ его членомъ Государственнаго Совѣта никогда не назначалъ. На сколько мнѣ извѣстно, онъ не то инженеръ, не то мелкій коммерсантъ, — вотъ и все».

На этомъ мы простились.

Возвращаясь въ гостиницу, избѣгая всякія встрѣчи и разговоры, я въ тяже-

ломъ раздумьи прошелъ черезъ холль. Въ это время молодая г-жа Риттеръ съ размаху, неизвѣстно откуда, налетѣла на меня и, потрясая находящеюся у нея въ рукахъ газетой, вызываяще обратилась ко мнѣ съ вопросомъ:

— «Haben Sie das gelesen?» (Читали ли вы это?) Затѣмъ, тыча пальцемъ по статьѣ, озаглавленной: «Die Scandtaten der Russen.» (Позорныя дѣйствія русскихъ),—добавила: «Читайте, читайте. Вы тогда увидите, какъ эти русскіе варвары обращаются съ нашими бѣдными ранеными,—они выкалываютъ имъ глаза, бьютъ прикладами и подвергаютъ неописуемымъ мученіямъ».—Меня точно кипяткомъ обдало. Съ трудомъ сдерживая свое волненіе, я ей сказалъ:

— «Будь вы мужчина, я бы зналъ, какъ вамъ отвѣтить,—но вы дама».

Съ этими словами я круто повернулся и ушелъ къ себѣ на верхъ.

Не прошло и полчаса, какъ кто то постучался въ дверь, а вслѣдъ затѣмъ въ мою комнату вошелъ знакомый мнѣ почталіонъ. Держа въ рукахъ чекъ на довольно крупную сумму, присланный мнѣ Стокгольмскимъ банкомъ, онъ

съ улыбкой просилъ расписаться въ полученіи. Я былъ внѣ себя отъ счастья, теперь я, не стѣсняясь, свободно могъ уплатить свой долгъ конторѣ и выѣхать изъ ненавистнаго Паркъ-Отеля.

Не теряя минуты, я быстро направилъ шаги свои въ виллу «Генриетта», гдѣ милая г-жа Г., со свойственной ей добротой и любезностью, охотно приняла на себя трудъ переговорить съ хозяйкой виллы, чтобы меня устроить, какъ можно лучше, удобнѣе и дешевле, обѣщая завтра же дать отвѣтъ.

За обѣдомъ я встрѣтился съ лейтенантомъ фонъ Застро (von Zastrow), помощникомъ фонъ Мака, который съ участіемъ разспрашивалъ меня о дальнѣйшихъ моихъ планахъ, въ виду постигшихъ меня злоключеній. Сообщивъ ему, что я очень желалъ бы переселиться въ Берлинъ, въ надеждѣ, что мнѣ тамъ, быть можетъ, легче удастся получить разрѣшеніе на выѣздъ, и что ландратъ фонъ Бернусъ ожидаетъ отъ меня соотвѣтствующаго письменнаго заявленія, въ составленіи котораго я затрудняюсь, фонъ Застро любезно предложилъ мнѣ свою помощь, совѣтуя приложить къ этому

заявленію свидѣтельство о болѣзни, со скрѣпою мѣстнаго военнаго врача, котораго онъ о моемъ посѣщеніи предупредить.

Предложеніе это я, конечно, съ благодарностью принялъ, на другой же день обратился къ докторамъ и, получивъ желанное свидѣтельство и двѣ съ него копіи, подлинное свидѣтельство вмѣстѣ съ заявленіемъ отослалъ ландрату, одну изъ копій препроводилъ при письмѣ испанскому послу въ Берлинѣ, а вторую сохранилъ.

Дѣло въ томъ, что обдумывая со всѣхъ сторонъ свое безвыходное положеніе и горячо помолясь въ нашей церкви (это было въ воскресенье, 7 (20) сентября), я вспомнилъ объ одномъ довольно богатомъ, титулованномъ нѣмцѣ, съ которымъ я постоянно встрѣчался за границей и который, благодаря имѣющимъ у него большимъ связямъ, несомнѣнно могъ мнѣ оказать помощь. Онъ въ прежніе годы даже пріѣзжалъ въ Петроградъ, гдѣ у него были великосвѣтскіе родственники и всегда съ особой симпатіей относился къ Россіи. Описавъ ему постигшее меня горе и приложивъ

къ моему письму вторую копію съ медицинскаго свидѣтельства, я вмѣстѣ съ тѣмъ заявилъ, что если меня отпустить, то обязуюсь сдѣлать все отъ меня зависящее, чтобы наше правительство, взявъ меня, освободило бы кого-нибудь изъ задержанныхъ въ Россіи болѣе видныхъ германскихъ подданныхъ.

Успокоившись на этомъ, я отправился въ виллу «Генріетта», гдѣ осмотрѣлъ только что освободившіяся двѣ вполне уютныя и почти уже приготовленныя для меня комнаты. Цѣна полнаго пансіона составляла всего только 11 марокъ въ день, при чемъ милая г-жа Г., боясь, чтобы я въ одиночествѣ не соскучился, любезно предложила мнѣ, чтобы г-ну Б., ей и мнѣ одновременно подавали завтракъ и обѣдъ въ большой столовой, принадлежащей къ занимаемой ими квартирѣ. Я, конечно, съ радостью на это согласился.

Вечеромъ того же дня я окончательно распростился съ Паркъ-Отелемъ, а въ понедѣльникъ 8 (21) сентября со всѣми своими пожитками перебрался на новую квартиру. Царившая тамъ тишина, предупредительность хозяйки виллы, а

въ особенности сердечное ко мнѣ отноше-
ніе моихъ новыхъ сожителей благо-
дѣтельно подѣйствовала на мои расша-
танные нервы.

Русскіе, для которыхъ были загото-
влены два «экстренныхъ» поѣзда, вы-
ѣхали 10 (23) и 11 (24) сентября. Къ не-
счастью молодого М. не отпустили, при-
чемъ жена его осталась при немъ, а сенато-
рамъ Н. и Г. также не выдали пропуска.
Послѣдній былъ особенно жалокъ, такъ
какъ здоровье его окончательно расша-
талось. Впрочемъ, какъ тому, такъ и
другому въ октябрѣ, послѣ длительныхъ
хлопотъ, наконецъ удалось возвратиться
въ Петроградъ, что же касается супру-
говъ М., то они вернулись въ Россію
только на-дняхъ, пробывъ безъ малаго
два года въ германскомъ плѣну.

Послѣ отъѣзда русскихъ на душѣ
становилось еще тоскливѣе. Я чувство-
валъ себя совершенно одинокимъ и какъ
бы всѣми забытымъ. Ландрать, въ отвѣтъ
на поданное ему мною по его же тре-
бованію прошеніе, письменно категори-
чески сообщилъ, что выѣздъ изъ Герма-
ніи мнѣ не разрѣшается, напомнивъ
вмѣстѣ съ тѣмъ, что я обязался чест-

нымъ словомъ никуда изъ Гомбурга безъ разрѣшенія полиціи не отлучаться. Испанскій посолъ, съ своей стороны, хранилъ упорное молчаніе, а послѣдняя моя надежда,—титулованный нѣмецъ, тоже не отвѣтилъ.

Я былъ близокъ къ отчаянію, когда черезъ недѣлю по переѣздѣ моемъ на новую квартиру, а именно 14 (27) сентября мнѣ вдругъ подали письмо, въ которомъ нѣмецкій нежданный мой благодѣтель оповѣщалъ, что сообщивъ «кому слѣдуетъ» сдѣланное мною заявленіе, что я обязуюсь принять все зависящія отъ меня мѣры, чтобы русскія власти, взамѣнъ меня, освободили кого нибудь изъ задержанныхъ въ Россіи германскихъ подданныхъ, «власти» ему отвѣтили, что немедленно будетъ сдѣлано распоряженіе о предоставленіи мнѣ права прибыть въ Берлинъ, гдѣ и произойдутъ окончательные со мною переговоры. Въ заключеніе въ письмѣ значилось, что за письменнымъ разрѣшеніемъ уѣхать изъ Гомбурга я долженъ обратиться къ мѣстнымъ властямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ указанъ и пансіонъ, въ которомъ мнѣ слѣдуетъ остановиться въ Берлинѣ.

Не помня себя отъ счастья, я бѣгомъ отправился къ ландрату, который, ознакомившись съ письмомъ и внимательно выслушавъ меня, со своей стороны обѣщалъ снестись съ General-Kommando во Франкфуртѣ и, по полученіи отвѣта, немедленно же сообщить его мнѣ.

Не сомнѣваясь болѣе въ благополучномъ исходѣ моего ходатайства и близости моего отъѣзда, я въ теченіе слѣдующихъ двухъ дней обошелъ знакомыхъ русскихъ, чтобы проститься съ ними. Пересчитавъ затѣмъ оставшіеся у меня деньги, я съ радостью увидаль, что я безъ затрудненія цѣликомъ могу уплатить г-жѣ Баль тяготившій меня долгъ по счетамъ гостиницы «Викторія». Къ счастью она была дома, я выдалъ ей деньги и мы съ нею простились какъ старые добрые друзья.

КОНЕЦЪ СТРАДАНІЯМЪ.

Въ среду 17 (30) сентября я наконецъ получилъ отъ ландрата фонъ-Бернусъ, за подписью генерала фонъ-Граафа, официальное разрѣшеніе уѣхать въ Берлинъ. Я немедленно отправился на вок-

залъ, чтобы заручиться билетомъ на скорый поѣздъ, отходящій на другой день въ 8 час. утра, мимоходомъ забросилъ ландрату, въ знакъ прощанія, свою визитную карточку и, уложивъ свои вещи, остальную часть дня спокойно провелъ въ мирной бесѣдѣ со своими милыми сожителями, о дальнѣйшей судьбѣ которыхъ я, къ сожалѣнiю, ничего не знаю.

Счастливый день наконецъ насталъ. По предъявленiи паспорта, разрѣшенiя на выѣздъ и послѣ осмотра моего багажа, мнѣ выдали письменное удостовѣренiе, что ничего предосудительнаго у меня не оказалось и нѣсколько минутъ спустя скорый поѣздъ быстро унесъ меня съ того мѣста, гдѣ мнѣ суждено было перенести столько горя и страданiй.

Въ Франкфуртѣ, гдѣ поѣздъ стоялъ лишь нѣсколько минутъ, въ занимаемое мною отдѣленiе I класса вошелъ, извиняясь за причиняемое безпокойство, изящно одѣтый красивый молодой брюнетъ и отдавъ провожавшему его гаусдинеру, на чисто нѣмецкомъ языкѣ, какое-то приказанiе уѣлся противъ меня.

Нѣсколько времени спустя, онъ вѣжливо, безъ малѣйшаго акцента, по французски спросилъ меня, можно ли приоткрыть дверь. Я согласился и удивленно взглянувъ на него въ свою очередь, спросилъ, какой онъ національности.— «Я итальянецъ, — а вы, вѣроятно, русскій», — отвѣтилъ онъ, — «счастливъ, что меня свела судьба съ представителемъ великой страны вашей». Онъ оказался дипломатомъ, Маркизомъ Н., мы обмѣнялись визитными карточками и съ этой минуты, вплоть до Берлина, не переставая бесѣдовали объ интересующемъ насъ политическомъ положеніи.

Разговоръ этотъ мнѣ особенно памятенъ потому, что я воочію могъ убѣдиться, что не ошибался предполагая, что Италія, памятуя нанесенныя ей Австріей въ теченіе вѣковъ обиды и униженія, рано или поздно, приметъ участіе въ великой войнѣ и присоединится къ державамъ Согласія.

По приѣздѣ въ Берлинъ, подчиняясь полученной инструкціи, я, прежде всего, направился въ полицейскій участокъ, чтобы заявить о своемъ прибытіи, а затѣмъ проѣхалъ въ предназначенный мнѣ

близъ лежащій «Пансіонъ», гдѣ меня, благодаря посланной изъ Гомбурга телеграммѣ, уже ожидалъ обѣдъ.

На другой день, рано утромъ, прислуга доложила, что мой титулованный благодѣтель, справившись по телефону о моемъ приѣздѣ, просилъ передать, что онъ около 11-ти час. утра зайдетъ ко мнѣ. Въ назначенное время онъ дѣйствительно прибылъ и выслушавъ съ большимъ участіемъ краткое повѣствованіе моихъ злоключеній и сущность моего ходатайства, любезно предложилъ, немедленно же поѣхать съ нимъ къ генералу фонъ-Циммерманъ въ зданіе генеральнаго штаба.

Четверть часа спустя я уже входилъ въ кабинетъ генерала. Учтиво встрѣтивъ меня онъ мнѣ придвинулъ стулъ, прося изложить сущность моего ходатайства. Я снова подтвердилъ, сдѣланное мною заявленіе, что если меня отпустить, то обязуюсь, подъ честнымъ словомъ, сдѣлать все отъ меня зависящее, чтобы кто-либо изъ болѣе видныхъ германскихъ подданныхъ былъ бы замѣненъ мною.

Не знаю, призошло ли это дѣйствительно, или взвинченные нервы зло под-

шутили надо мною, но мнѣ показалось, что, слушая меня, едва замѣтная, неловѣрчивая улыбка, какъ будто скользнула по губамъ генерала. Внѣ себя и вскочилъ со своего стула и съ негодованіемъ сказалъ:

«Вы кажется сомнѣваетесь въ моемъ честномъ словѣ, но вы забываете, что я дворянинъ. Въ такомъ случаѣ прекратите этотъ разговоръ, ибо другихъ гарантій, кромѣ моего слова, я вамъ дать не могу».

«Beruhigen sie sich Herr Graf, Ihr Wort genuegt». (Успокойтесь, графъ, вашего слова достаточно).

Снова присѣвъ я сказалъ генералу:

«Благодарю васъ за довѣріе, но я считаю долгомъ совѣсти обратить ваше вниманіе на два пункта: я, конечно, сдѣлаю все отъ меня зависящее, чтобы выполнить взятое на себя обязательство. Въ этомъ вы, повидимому, больше не сомнѣваетесь, но отвѣчать за успѣхъ моихъ ходатайствъ я не могу и мнѣ было бы невыразимо тяжело думать, что вы въ моей искренности усумнились. Во вторыхъ, не отъ меня зависить выборъ того или другого лица, имѣющаго замѣнить меня. Я поэтому прошу запи-

сать четыре или пять фамилій германскихъ подданныхъ, которыхъ вы желали бы возвратить на родину, а кого изъ нихъ отпустить я сказать не могу».

«Я на ваше предложеніе согласенъ», отвѣтилъ генераль, — тутъ же передалъ мнѣ записку, носящую нѣсколько фамилій, любезно простился со мною и приказалъ выдать мнѣ письменное разрѣшеніе на выѣздъ въ Стокгольмъ, которое мнѣ черезъ нѣсколько минутъ и вручили.

Горячо поблагодаривъ неожиданнаго моего благодѣтеля, я отправился въ шведское бюро путешественниковъ, чтобы заручиться билетами. Но тамъ потребовали представленія новаго еще разрѣшенія отъ высшей берлинской коммандатуры, которое мнѣ съ трудомъ удалось получить лишь на другой день.

Въ воскресенье 21 сентября нашего стиля въ 7½ час. утра я, наконецъ, покинулъ Берлинъ. По прибытіи въ Саснитцъ намъ объявили, что паромъ, обыкновенно перевозившій германскій поѣздъ на шведскій берегъ въ Треллеборгъ, въ виду военнаго времени, не дѣйствуетъ и что намъ слѣдуетъ прямо пересѣсть

на шведскій пароходъ. Когда мы, наконецъ, очутились на немъ и онъ отвалилъ, то всѣ находящіеся на палубѣ незнакомые мнѣ русскіе, осѣнивъ себя крестнымъ знаменемъ, радостно воскликнули: «Слава Богу, мы больше не въ Германіи, мы въ Швеціи, на нейтральной почвѣ!» Всѣ сразу перезнакомились и ликованіямъ не было конца. По совету одного изъ русскихъ, я, тутъ же на пароходѣ, далъ телеграмму въ Стокгольмъ въ гостиницу Grand Hôtel Royal», прося оставить мнѣ комнату, которую для меня и оставили.

Въ Стокгольмъ мы благополучно пришли на другой день, т. е. 22 сентября въ 12 час. утра. Гостиница Grand-Hôtel оказалась въ полномъ смыслѣ слова первокласной и выѣхавшій намъ на встрѣчу автомобиль отеля быстро довезъ насъ къ мѣсту назначенія.

Наскоро умывшись, не переодѣваясь, я, какъ былъ въ дорожномъ костюмѣ, уселся въ стоявшій у подъѣзда гостиницы автомобиль, приказавъ шоферу ѣхать къ нашему посланнику. Я хотѣлъ познакомиться съ нимъ, выразить ему всю свою сердечную благодарность за

постоянное проявляемое имъ къ намъ, плѣннымъ, участіе и узнать, что дѣлается у насъ въ Россіи.

На мой звонокъ въ дверяхъ квартиры, занимаемой А. В. Неклюдовымъ, показался старый слуга. Думая, что онъ шведъ и замѣтивъ, что прислуга гостиницы французскаго языка не понимаетъ, я по-нѣмецки спросилъ его, дома ли посланникъ. «Простите, не понимаю», отвѣтилъ онъ по-русски. Услыхавъ русскую рѣчь на радостяхъ чуть было не расцѣловалъ милаго старика, и узнавъ, что Анатолій Васильевичъ у себя, просилъ доложить обо мнѣ и сказать, что извиняюсь за свой дорожный костюмъ.

«Помилуйте», отвѣтилъ старый слуга, «да вы бариномъ одѣты. А вотъ на-дняхъ пріѣзжалъ сюда господинъ Кассо, такъ вотъ бы поглядѣли. Сгорбленный, больной, въ лохмотьяхъ, страшно было смотрѣть».

Какъ только обо мнѣ доложили, посланникъ нашъ съ протянутой рукой, привѣтливо пришелъ мнѣ навстрѣчу.

«Ради Бога, успокойте меня», вырвалось у меня, видя его доброе, открытое лицо. «Что дѣлается у насъ въ Россіи. Въ Германіи говорятъ, что ея больше

нѣтъ. Мы терпимъ однѣ только пораженія. Въ Москвѣ, Петроградѣ, Одессѣ, Кіевѣ, — вездѣ бунты, поговаривали даже о какомъ-то страшномъ покушеніи на насъ...» «Ничего подобнаго, успокойтесь, графъ», перебилъ меня Анатолій Васильевичъ, и добрая улыбка озарила его лицо. «Подождите, пойдемте ко мнѣ въ кабинетъ, тамъ я вамъ покажу послѣднія наши телеграммы. Слава Богу, у насъ все хорошо».

Никогда не забуду этой первой встрѣчи съ нашимъ посланникомъ и часы, проведенные мною въ этотъ же день, за обѣдомъ, въ его милой семьѣ. Послѣ всѣхъ испытанныхъ нравственныхъ страданій я, наконецъ, узналъ истину и могъ отдать себѣ вполнѣ ясный отчетъ, какъ въ нашемъ, такъ и въ общеевропейскомъ политическомъ положеніи.

Тѣмъ не менѣе меня неудержимо влекло домой. Всѣ русскіе, а въ томъ числѣ и семья Неклюдовыхъ, не совѣтовали мнѣ использовать ближайшій морской путь изъ Стокгольма въ Раумо. Указывали на подводныя мины, германскіе крейсера, нещадно обстрѣливающіе нейтральные суда и находили, что путь

на Торнео единственный, дѣйствительно
вполнѣ безопасный. Но твердо уповая
на безконечную милость Божию, благо-
даря которой я сподобился вырваться
изъ плѣна, я не допускалъ возможно-
сти томиться въ теченіе пяти дней по
желѣзнымъ и грунтовымъ дорогамъ,
когда я, по истеченіи нѣсколькихъ уже
часовъ, свободно могъ вступить, хотя
и въ Финляндіи, но все же на русскую
землю.

Въ надеждѣ, что мнѣ это удастся въ
день моего Ангела, Преподобнаго Сергія
Радонежскаго, я поѣхалъ въ гавань и
узнавъ, что въ среду 24 сентября, въ
12 час. утра въ Раумо отойдетъ швед-
скій пассажирскій пароходъ, немедленно
заказалъ себѣ каюту и къ назначенному
времени прибылъ на мѣсто.

Публики было довольно много, а въ
числѣ ихъ и всѣ почти русскіе, при-
ѣхавшіе со мной изъ Саснитца. Неза-
долго до звонка на пароходъ появился
А. В. Неклюдовъ, пожелавшій проститься
со мною и привезшій мнѣ на память
экземпляръ «оранжевой книги», доку-
ментально, подтвердившей лживость гер-
манскихъ дипломатовъ, провозгласив-

шихъ на весь міръ, что война была начата не нѣмцами, а нами.

Погода стояла чудная. Безконечное число островковъ живописно появлялось, то тутъ, то тамъ и мы, т. е. находящіеся на пароходѣ русскіе, до вечера оставались на палубѣ, наслаждаясь ароматомъ морского воздуха.

Было уже за полночь когда я ушелъ въ свою комнату и принялся за чтеніе взятой съ собою книги. Почитавъ часа два я, наконецъ, прилежъ на свою койку, но сонъ не приходилъ, а въ полудремотѣ я все время отчетливо слышалъ мѣрные удары и постукиваніе корабельной машины. Вдругъ, неожиданно настала мертвая тишина, продолжавшаяся нѣсколько минутъ, — затѣмъ нѣсколько ударовъ и новое молчаніе... Встревоженный такимъ непонятнымъ для меня явленіемъ я вскочилъ и, открывъ дверь каюты, заглянулъ въ сосѣдній длинный корридоръ, гдѣ нѣсколько несчастныхъ пассажировъ, очевидно, страдая морской болѣзью, громко стонали. Въ это время громадная волна съ грохотомъ ударилась о пароходъ и въ ту же минуту съ необычайной силой отбросила меня въ сторону. Весь

изломанный, я ползкомъ добрался до своей койки и оправившись немного посмотрѣлъ въ иллюминаторъ, но увидѣть что-либо мнѣ не удалось,—густой, непроницаемый туманъ заволакивалъ все кругомъ.

Лишь утромъ, когда качка нѣсколько пріутихла, мнѣ удалось узнать, что выпавшій ночью густой туманъ и былъ причиной нашихъ злключеній. Онъ поднялся въ то время, когда мы подходили къ самому опасному мѣсту, — близъ Аландскихъ острововъ, окруженныхъ многочисленными подводными рифами. Туманъ не давалъ ожидавшему насъ здѣсь лоцману возможности отыскать насъ и мы волей неволей должны были качаться на мѣстѣ.

Но Господь насъ не оставилъ, все обошлось благополучно и 25 сентября, въ день моего Ангела, я вступилъ на русскую землю.

Скажу въ заключеніе, что только по прибытіи въ Петроградъ мнѣ стало извѣстно, что германскій консулъ Лерхенфельдъ, проживавшій въ Ковнѣ, былъ самымъ опаснымъ изъ всѣхъ многочисленныхъ нѣмецкихъ шпионовъ. Къ небольшому моему изумленію онъ, однако,

также красовался (и притомъ, чуть ли не первымъ) на списокѣ лицъ, изъ числа которыхъ, одинъ долженъ былъ замѣнить женья. Я конечно немедленно заявилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, что прошу его изъ представленнаго мною списка вычеркнуть. Нѣсколько недѣль спустя, вслѣдствіе ходатайствъ моихъ, консулъ Бюловъ, оказавшійся менѣе опаснымъ и подозрительнымъ, чѣмъ его collega, былъ—взамѣнъ меня возвращенъ на родину.

И такъ, — я слово свое сдержалъ.

Графъ Серій Толь.

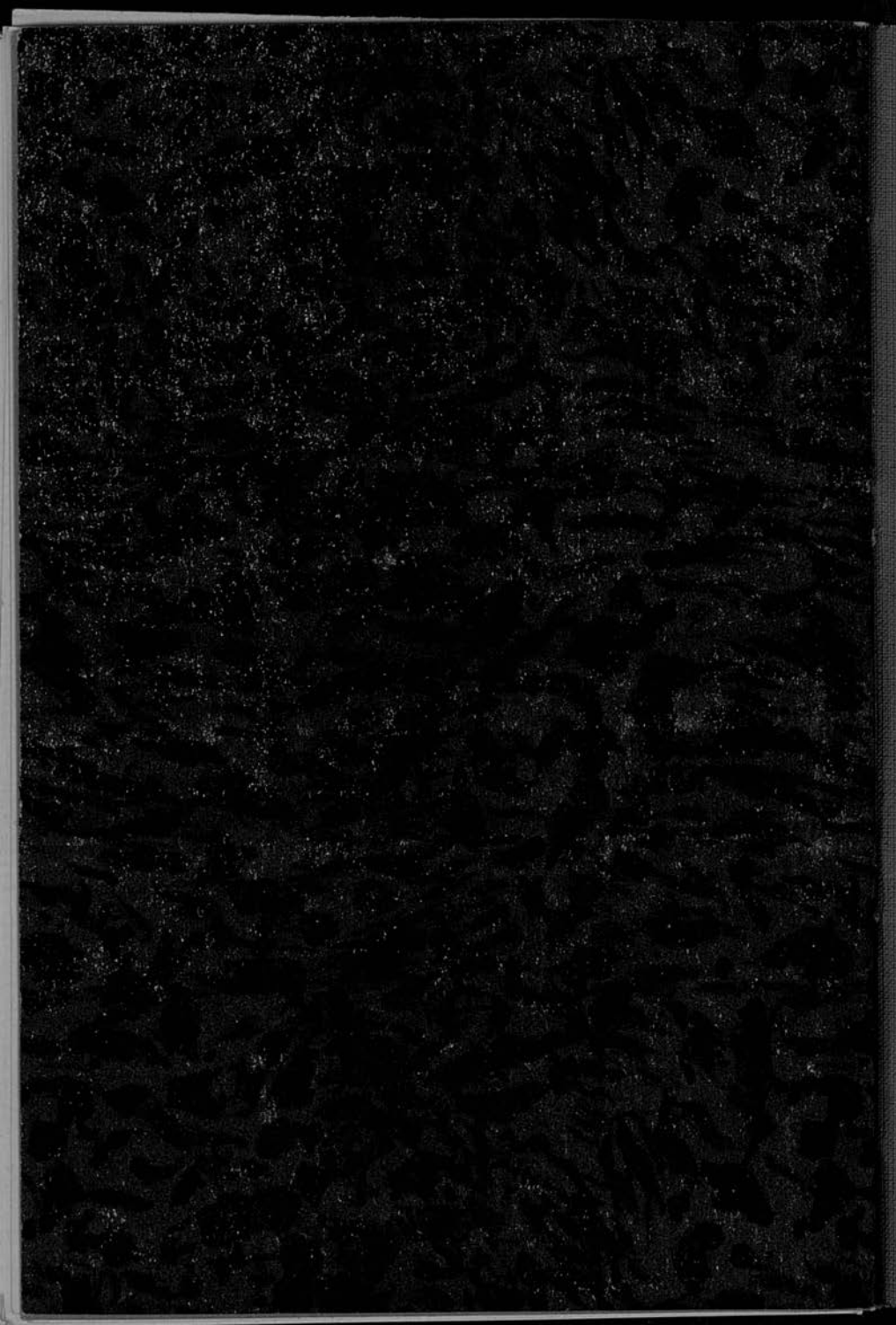
Сельцо Лѣсице
Мих. у. Рязанской губ.
25 сентября 1916 г.

6 Nov

✓ 25

1953

37.77.6.79